

Екатерина Трубицина

ДЮЛС

Аз Фита Ижица

ЧАСТЬ III

Остров бродячих собак

КНИГА

9

СИМВОЛ
СИМВОЛА

Екатерина Трубицина

**Символ символа. Серия: Аз
Фита Ижица. Часть III: Остров
бродячих собак. Книга 9**

«Автор»

2026

Трубицина Е.

Символ символа. Серия: Аз Фита Ижица. Часть III: Остров бродячих собак. Книга 9 / Е. Трубицина — «Автор», 2026

Сказка с элементами реальности для взрослых, где большая часть того, что выглядит реальностью — выдумка, а большая часть того, что кажется сказкой — действительный опыт автора. Заключительная книга. Опыт, полученный Ириной Палладиной в «раю без шалаша», наталкивает её на потрясающую идею. Но Что если операционная система «Добро и Зло» превратит эту идею в величайшее из Зол? Как не допустить этого? Есть кое-кто, кто может знать ответы, и он – или она – где-то рядом. Выясняя, кто это, Ира обнаруживает невероятные сведения о своих знакомых, которых она всегда считала самыми что ни на есть обычными людьми.

© Трубицина Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Стена правил и предрассудков	5
Истинные мотивации	21
Скрытая цель флоры и фауны	40
Соответствие внутренним стремлениям	57
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Екатерина Трубицина

Символ символа. Серия: Аз Фита Ижица.

Часть III: Остров бродячих собак. Книга 9

Стена правил и предрассудков

Ира проснулась под раскаты грома и всполохи молний за окном. Стаса рядом не было.

Она приподнялась на локте и обшарила глазами спальню. Самым полезным, что удалось обнаружить при осмотре, оказался мобильник.

- С пробуждением, Вас, Ирина Борисовна! — приветствовал её насмешливый голос Стаса после второго гудка.

- Стас, ты где?

- В офисе.

- А сколько время?

- Начало одиннадцатого.

- Мама родная! — воскликнула Ира, вскакивая с кровати.

- Да не волнуйся ты так. Я предупредил Сашу, что ты сегодня задержишься.

- Почему ты меня не разбудил, когда уходил? — не вняла Ира совету не волноваться.

- Ну не всё же извергом быть. Вот решил разнообразия ради проявить милосердие. Ты так сладко спала, истосковавшись по мягкой постели.

- Странно.

- Что именно?

- Бродя по горам, мы с тобой ни разу не попали под дождь, хотя кое-где наблюдались явные признаки того, что он недавно прошёл.

- Не переживай. Всё впереди.

- Хочешь сказать, что состояние погоды не было элементом везения?

- Само собой. Однако не спеши меня переоценивать. Я не способен управлять погодой. Я всего лишь умею её чувствовать и в соответствии со своими ощущениями выбирать направление в ту сторону, где она отвечает требованиям поставленных задач.

- Как я понимаю, ты один сегодня?

- Да. Мне удалось убедить Алину в честь разыгравшейся стихии остаться дома. Ладно. Давай-ка собирайся потихоньку, а то там твоя гвардия уже дымится от нетерпения поделиться своими достижениями.

- Извини, что-то я заболталась.

- Ничего страшного. Собирайся.

По всей видимости, Стас предупредил Ирину «гвардию» о её скором прибытии. Когда она переступила порог общего кабинета, её громогласно приветствовал полный состав творческого отдела четвёртого этажа, включая нечеловеческий контингент.

Кошки-собаки одержали победу в хаосе попыток всех разом рассказать сразу обо всём.

- Ира, нам нужен прямой и свободный доступ к Тамаре, — прогавкал Зив, заглушая полифонию человеческих эмоциональных излияний.

- На данный момент, это самая животрепещущая проблема, — одиноко прозвучал голос Лу, в обеспеченной лаем Зива тишине.

- Миша позаботился, — замурлыкал Лоренц, — чтобы мы слышали, что происходит в вашем общем кабинете, и передаём Тамаре через Лу и Сашу свои соображения, но этого

мало. Нам нравятся идеи Тамары, но ей катастрофически не хватает того, чему никто из вас её научить не в состоянии.

- Понятно. А где сейчас Тамара?

- Её не будет пару дней, — ответил Александр. — Она в командировке вместе с Геннадием Васильевичем.

- Я хотела поговорить с ней, — вступила Оксана, — но...

- Мы не позволили, — перебил Зив. — Хотя Тамара и мыслит нестандартно, касается это лишь человеческой сферы. Слышать нас она не сможет, а перевод того, что мы говорим, воспримет, как розыгрыш. А то, что мы работаем с ноутбуками, посчитает цирковым фокусом.

- Однозначно, — подтвердила Лу. — Мало того, можешь себе представить, как изменится её отношение к нам?

Уверенная серьёзность плавно, но быстро исчезла из взгляда Лу и сменилась недоумением, потому что Ира сияла наисчастливейшей улыбкой.

- Ты чего? — спросила сбита с толку Лу.

- Я знаю, что делать с Тамарой. Так что, этот вопрос можно считать закрытым.

- Что? — в унисон спросили все люди и не люди.

- Сия информация оглашению не подлежит, а потому давайте-ка, лучше, показывайте, что вы натворили.

Показ длился целых два часа, поскольку состоял больше из объяснений, чем из наглядной демонстрации.

Уже в первой его части лицо Иры приобрело мрачное выражение, но переполненные эмоциями люди и не люди списали это на сосредоточенность. Когда же информация иссякла, а Ира продолжала зловеще молчать, одного за другим охватили недобрые предчувствия.

Первым набрался смелости Миха.

- Ну как?

Ира тяжело вздохнула.

- Скажите честно, вам самим это нравится?

Она обвела сочувственным взглядом Миху, Лу, Александра, Оксану, Лоренца и Зива, застывших в растерянности.

- Друзья мои, — продолжила Ира после недолгой паузы, — если хотите, я поделюсь с вами впечатлением в подробностях, но я сомневаюсь, что нужно это делать, потому что я лишь окончательно испорчу вам настроение.

Ира ещё раз обвела всех взглядом и перевела дыхание в гробовой тишине.

- Оксана, когда у тебя защита диплома?

- Послезавтра.

- То есть, в среду двадцать седьмого.

- Да.

- Хорошо. Лу, когда прилетают Лёша и Эрика?

- Двадцать девятого в пятницу.

- Замечательно. — Ира достала мобильник. — Стас, извини что отрываю. Ты говорил, что Сергей и Надя с детьми должны приехать. Когда именно это произойдёт?

Стас усмехнулся.

- Вот только что с Серёгой разговаривал. В это воскресенье они прилетают.

- Чудесно! И сколько они здесь пробудут?

- Около двух недель.

- Очень хорошо. Ещё раз прошу прощения, что оторвала. Спасибо большое.

Все уставились на Иру в непонимании, что происходит. Единственное, глаза Лу были опущены.

Ира посмотрела на Александра.

- Саша.

- Слушаю, Ирина Борисовна.

- Прямо сейчас Оксана покидает нас. Остаток сегодня и завтра занимается последними приготовлениями к защите диплома, послезавтра, надеюсь, успешно его защищает, а начиная с пятницы и вплоть до отъезда Сергея Леонидовича, проводит время в научной среде. Это для Оксаны не отпуск, потому что она получит от меня специальное задание.

- Я понял.

Ира повернулась к Оксане

- Оксана, я хочу тебя попросить в четверг помочь мне привести мою квартиру в жилое состояние к приезду Лёши и Эрики. Я, разумеется, могу поручить это Татьяне Николаевне, но... Короче, сможешь помочь?

- Конечно, Ирина Борисовна.

Лу было дёрнулась, в порыве предложить и свои услуги, но, скользнув по Ире взглядом, промолчала.

- Спасибо, Оксана, — сказала Ира. — В четверг, в девять утра я буду ждать тебя на набережной у прохода. Если что-то изменится, созвонимся. А сейчас иди и занимайся дипломом.

- Спасибо, Ирина Борисовна, — поблагодарила Оксана и ушла.

- Теперь, что касается остальных, — продолжила Ира. — Лоренц, Зив, вы трудитесь над своим сайтом. Ну а мы... Мы до сентября, как минимум, садимся на проходные заказы. Саша, в идеале, нам бы поработать над полным пакетом фирменного стиля. Если ничего подобного среди текущих заказов нет, то... Короче, что делать в этом случае, никто, кроме тебя, лучше не придумает.

- Понял.

- Ирина Борисовна... — начал Миха в отчаянии и с разочарованием на грани слёз во взоре.

- Миша, — перебила его Ира, — мы не готовы к тому, что задумали. Если сейчас продолжить начатую работу, получится только то, что лучше всего отражает выражение «толочь воду в ступе». Миша, нам нужно на время переключиться на другую деятельность.

- Но Ирина Борисовна! — не унимался Миха.

- Миша, я уже сказала, что не хочу этого делать, чтобы не портить вам настроение, но уж коли ты настаиваешь, пожалуйста.

Ира по косточкам разобрала имеющиеся наработки по новой игре, включая свои собственные, сделанные до отпуска.

- Как видите, мы тупо копируем то, что уже сделали, лишь втискивая в другие рамки, — подвела она итог.

- Согласен, — с тяжёлым вздохом грустно признал Миха.

- Миша! — Ира улыбнулась ему. — Не расстраивайся. Это нормально. Вспомни сколько времени прошло между окончанием работы над первой игрой и началом работы над следующей. К тому же учти, что первая игра, над которой мы работали, у тебя, по сути, была готова, и мы лишь придали ей лоску.

Между финишем и стартом ты занимался другим, и всё это время в тебе варилась идея следующей игры. Именно поэтому она не просто получилась, а получилась с блеском.

То, что предложила я по поводу игр-тренингов, это, Миша, не идея. Это всего лишь направление работы и не более того. Идеи как таковой у нас пока нет, и для того чтобы она появилась, нужно время, занятое чем-то другим.

Помнишь, я тебе как-то рассказывала о своём Золотом Принципе?

Чётко сформулировать задачу и на время забыть, тем самым отправив на проработку в подсознание.

Помнишь?

Этим мы сейчас и займёмся. Задачу мы уже сформулировали, и теперь необходимо забыть о ней, тем самым отправив на проработку в подсознание.

- Я понял, — ответил Миха и заулыбался. — В таком случае, прямо сейчас...

- Прямо сейчас, идёте-ка обедать, — перебила его Ира, — и по ходу обсудим, что делать сегодня.

Пока спускались на третий этаж, Миха продолжил:

- Я хотел сказать, что раз так, я, пока нет конкретной работы по мою душу, приведу в порядок компы на втором этаже, а то всю прошлую неделю, то Оксане, то мне, то Максиму приходилось туда бегать.

- Хорошая идея, — одобрил Александр.

- Что касается меня, — заговорила Лу, цепко ухватившись за представившуюся возможность это сделать, — то у меня есть, чем заняться, и, надеюсь, ты, Ира, ко мне присоединишься, пока Саша не озадачил тебя чем-то другим.

- Разумеется, Лу. Единственное, не сегодня.

Лу вопросительно посмотрела на Иру, но та, вместо ответа на вполне понятный и без слов вопрос, сказала:

- Отвлеките третий этаж. Я Зиву и Лоренцу обед отнесу.

Сей манёвр был уже давным-давно отработан, а потому минуты через две Ира с двумя глубокими тарелками заходила в кошачье-собачий кабинет.

- О! Ира! — с удивлением мяукнул Лоренц. — Сдаётся мне, неспроста ты решила сегодня поиграть в официанта.

- Верно. Дело в том, что пока мы не начали работу над новой игрой, вам придётся заниматься не только своим сайтом.

Лоренц и Зив посмотрели на неё вопросительно. Ира продолжила:

- Помните историю с Раулем? Тогда, плюс ко всему, впервые всплыл вопрос о тайных целях земной флоры и фауны. Мне кажется, теперь я знаю об этих целях. Как минимум, о некоторых из них.

- Как выяснила? — поинтересовался Зив, бегло просканировав Иру взглядом.

- Стас помог. В общем... — Ира замолчала, подыскивая слова.

- В общем, — продолжил Лоренц, немного послушав её молчание, — как будешь готова, поговорим.

- Да. И скорее всего, говорить вам придётся не только со мной.

- А с кем ещё? Со Стасом? — спросил Зив.

- Может быть, и с ним тоже, но я не его имела в виду. Короче, я пока сама ещё не во всём уверена.

- Ладно, — промурлыкал Лоренц. — Ты знаешь, мы всегда к твоим услугам.

- Спасибо. — Ира улыбнулась. — Здесь есть ещё кое-что. Вполне возможно, что для данного разговора вы мне можете понадобиться в самый неожиданный момент и в самом неожиданном месте. Как мне связаться с вами, если не окажется возможности предупредить заранее?

- Если в рабочий день и в рабочее время, — проурчал Зив, — то проще некуда! Кинь сообщение на почту, где ты ждёшь нас. Если я правильно понимаю, это можно сделать с телефона, если поблизости не окажется компьютера, верно?

- Верно. Скорее всего, так и получится. Спасибо! — ещё раз поблагодарила Ира и отправилась обратно в буфет.

Навстречу ей поднимался Ихан.

- С возвращением, Ирина Борисовна! — поприветствовал он её.

- Рада видеть тебя, Ихан. Что у тебя со временем сразу после обеда?

- Решили вспомнить, что такое зеркало?

- В точку!

- Ирина Борисовна, я Вам уже как-то говорил, что для Вас у меня есть время в любое время.

- Спасибо! Кстати, что касается зеркала...

- Я понял! — перебил её Ихан, с загадочной улыбкой.

В буфете Иру ждали новые приветствия и комплименты по поводу посвежевшего внешнего вида от обитателей первого и третьего этажей.

Третий этаж представляли только Алла и Лидия Гавриловна, так как Алина с Аристархом осталась дома в честь свирепствовавшего за окном ливня, Гена и Тамара были в командировке, а Стас, Женечка и Влад пообедали раньше.

В суете ликвидации со столов грязной посуды, Ира выловила Александра и отвела в сторону.

- Саша, будь в своём кабинете. Я сейчас к Ихану, а потом нам с тобой нужно будет поговорить.

- Хорошо, Ирина Борисовна.

* * *

- Ихан, сколько у нас с тобой есть времени? — спросила Ира, усаживаясь в кресло.

- Учитывая погодные условия, полагаю, что сколько угодно.

Ира глянула в окно. Дождь лил сплошной стеной так, что даже зарево вспышек молний пробивалось сквозь толщу воды с трудом.

- Что бы мне такое сегодня с Вами сделать? — спросил сам себя Ихан.

- Пока ты думаешь, я бы хотела поговорить с тобой о Тамаре.

- Всё ещё без изменений.

- В таком случае, не исключаю, что дам тебе ту самую особую метафору, воплощённую в конкретике.

- Серьёзно?

- Суди сам. Видишь ли, с Тамарой возникли кое-какие проблемы, решить которые можешь только ты.

Ихан рассмеялся.

- Вы мне льстите, Ирина Борисовна. Нет, я не исключаю, что смогу решить упомянутые Вами проблемы, но сомневаюсь, что лишь я способен на это.

- Не буду спорить, Ихан, но замечу, что даже сеньора Бональде не рискнула взяться за их решение.

Ихан резко стал серьёзным.

- Что за проблемы?

- Ихан, изначально предполагалось, что Тамара примет участие в работе над играми только в части их коммерческого продвижения, но так уж получилось, что она вошла в число создателей.

Да, как ты уже слышал за обедом, мы решили приостановить работу над новой игрой, как минимум, на пару месяцев, но когда она возобновится...

Короче, за это время... В общем, многое, что вполне нормально, к примеру, для тебя и для меня, для Тамары лежит за гранью приемлемости.

Ихан, нужно, чтобы для неё стало нормой общение с Зивом и Лоренцем. Да и знание о проходах, и умение ими пользоваться, как умеют теперь Оксана и Миша, тоже не мешает в её работе. Мягко говоря.

Само собой, этим список не ограничивается, но ряд его пунктов разъяснить Тамаре лучше всего получится у Зива и Лоренца. То есть...

- Я понял, — задумчиво перебил Ихан.

Он застыл на какое-то время, погрузившись в себя.

- Ирина Борисовна, не возражаете выпить по чашечке кофе?

- Нет. Не возражаю.

Ихан скрылся за дверью и вскоре вернулся с подносом. Кофе они пили, не проронив ни слова.

Когда чашки опустели, Ихан улыбнулся.

- Ирина Борисовна, я знаю, что с Вами делать.

- А с Тamarой?

- Полагаю, что и это я тоже знаю. Единственное, не уверен, что сие способно стать той самой метафорой, воплощённой в конкретике.

- Ну-у-у, — протянула Ира, улыбаясь, — самостийно, может, и не станет, но у тебя есть шансы сделать это таковым.

Ихан на мгновение задумался, а затем усмехнулся.

- Я постараюсь.

- Я тебе помогу.

- Каким образом, Ирина Борисовна?

- Честно? Понятия не имею. Но я ЗНАЮ, что помогу.

- Спасибо. — Ихан улыбнулся ей. — Идёмте, — добавил он, поднимаясь и указывая на кресло.

Как только Ира уселась, с её лица улыбка исчезла.

- Ихан, мне в самом ближайшем будущем предстоят два чудовищно нелёгких разговора, от успеха которых многое зависит.

- Я вижу это, но сомневаюсь в крайней необходимости такого шага.

- Ихан, здесь решается вопрос абсолютного доверия. Мне оно жизненно необходимо.

- Ирина Борисовна, Вы без всяких неприятных разговоров пользуетесь этим абсолютным доверием.

- Я знаю. Но знаю также и то, что пользуюсь им, образно говоря, незаконно. И вот эта вот незаконность есть камень преткновения. С другой стороны, вместо того, чтобы узаконить абсолютное доверие, есть риск лишиться доверия как такового, а по ходу наломать ещё кучу других дров.

Ихан отступил от Иры на шаг, снова внимательно разглядывая её.

- Ирина Борисовна, обязательно зайдите ко мне часа за два до второго разговора.

- Сомневаюсь, что получится.

- Почему?

- Потому что это придётся сделать в семь утра.

- Ирина Борисовна! Нашли проблему! Да хоть в три часа ночи! Я Вам уже говорил и сегодня напомнил: для Вас у меня есть время в любое время.

- Спасибо, Ихан.

Ихан подошёл к Ире и принялся за работу, весело и непринужденно рассказывая о примечательных особенностях приключений, через которые проходил он вместе со своими дочерьями в дебрях новой игры, полученной им на диске во время её презентации.

Готовым сие творение пока не признали, поскольку из-за авралов, отпусков и некоторых менее глобальных причин, процесс детального знакомства с ней участников презентации с целью сбора замечаний ещё не окончился.

- Ну вот и всё! — торжественно произнёс Ихан, поворачивая Иру к зеркалу.

Она внимательно вглядывалась в своё отражение, но не находила чего-либо необычного, как бывало не раз в подобных случаях, и, в конце концов, вопросительно посмотрела на Ихана.

- В чём дело? — загадочно улыбаясь, спросил он.

- Ихан, я не вижу в себе ничего такого-эдакого.

- А что Вы видите?

- Я просто нравлюсь себе.

- Ирина Борисовна, в данном случае, это именно то, что Вам нужно. Так что, если с ощущением «я себе нравлюсь» что-то произойдёт, посмотрите на себя в зеркало. Только сразу же. Даже если для этого понадобится внезапно прервать какую-либо деятельность.

- Спасибо, Ихан. Я постараюсь.

- А у Вас не получится по-другому. Я сказал это лишь для того, чтобы Вы не боролись с желанием взглянуть на себя, а немедленно его удовлетворяли, невзирая ни на какие обстоятельства и требования этикета.

- Спасибо, — ещё раз поблагодарила Ира, направляясь к двери.

- Минуточку, — остановил её Ихан. — Как только у Вас состоится первый разговор, посоветуйте своему собеседнику заглянуть ко мне. Не Ваша забота, последуют ли Вашему совету. Так что, предложите и всё.

- Хорошо, — ответила Ира, попрощалась и вышла.

Она поднялась на четвёртый этаж, подошла к двери кабинета Александра, уже протянула к ней руку, но остановилась в нерешительности. Постояв так с полминуты, Ира развернулась и отправилась в туалет, где несколько минут смотрела на себя в зеркало над раковиной.

Внутреннее состояние приобрело другой оттенок. Мысли остались теми же, но потеряли эмоциональную окраску, превратившись в формальную констатацию факта.

Ира вернулась к двери, постучала и, услышав «Да!» другой стороны, открыла её.

- Вау! Ирина Борисовна, выглядите потрясающе!

- Спасибо, Саша.

- Ну что, Ирина Борисовна, могу Вас порадовать. Девяносто девять и девять десятых процента, что с понедельника начнётся грандиозная работа над прямо-таки переполненным пакетом фирменного стиля, которая поглотит не только четвёртый, но и первый этаж.

С Максимом я уже сие согласовал. Он, как я понял, счастлив.

Однако заслуга не моя. Я имею в виду обретение желаемого Вами заказа. Тамара поставилась. Я ей позвонил сразу после обеда, когда выяснил, что среди натёкших самотёком запросов напрочь отсутствует хоть что-то хотя бы напоминающее подходящее.

В общем, буквально минут пять назад она дала потрясающий ответ. Воистину человек способный организовать крупномасштабные и долгосрочные поставки валенок в Эквадор, создав там неутолимый спрос на данный вид продукции.

- Сроки? — оживлённо спросила Ира.

- Не поверите! Предварительных результатов от нас согласны ждать вплоть до Нового Года. Безусловно, я не сомневаюсь, что не то что предварительный, а окончательный вариант мы выдадим гораздо раньше, но...

Александр посмотрел на Иру с победоносной улыбкой.

- Такое удовольствие работать, когда никто не дышит в спину, — закончила фразу она.

- Ну надо же! — Александр рассмеялся. — Я так и подумал!

- Потрясающе!

Ира тоже рассмеялась, но быстро поменялась в лице.

- Что не так? — настороженно спросил Александр.

- По поводу ваших с Тамарой трудов я в восторге, но... — Ира тяжело вздохнула. — Саша, у меня к тебе есть разговор бесконечно далёкий от приятного.

- Что случилось?

- Саша, я тебе клятвенно обещаю, что ничего не сделаю без твоего разрешения. Особо отмечу, давать его ты не обязан. В любом случае, последнее слово за тобой.

- Что случилось-то? — Александр заметно волновался.

Ира немного помолчала, собираясь с духом и, в конце концов, сказала:

- Саша, я хочу поставить Оксану в известность о том, что произошло между мною и тобой в августе прошлого года.

Александр молча смотрел на Иру с нечитаемым выражением лица.

- Саша, ещё раз даю тебе честное слово, что, как бы ни было мне это необходимо, я не сделаю этого без твоего разрешения.

- Чувство вины, что ли, замучило? — криво усмехнувшись, спросил Александр излюбленным тоном мерзости, в которую он превращался в компании обитателей второго этажа.

- Можно это назвать и так, — спокойно ответила Ира, проигнорировав его перевоплощение. — Но если бы вопрос касался только моих сугубо личных мучений, мне бы в голову не пришла такая мысль.

Саша, и ты, и Оксана очень дороги мне. И мне очень дороги ваши отношения. Я великолепно представляю, насколько они могут пострадать из-за моих откровений, и ужасно не хочу этого. Но...

Саша, я не знаю, как тебе объяснить, но попытаюсь.

Видишь ли, нужно сделать кое-что, и сделать это может только Оксана. Чтобы она смогла это сделать, точнее, чтобы я смогла объяснить ей, что нужно сделать...

Понимаешь, то, что нужно сделать, объяснить словами можно лишь частично, точнее, лишь формально. А чтобы объяснить с полной эффективностью...

Видишь ли, в данном случае, вот эта вот тайна — это не просто некоторая недомолвка, это энергетический фактор, который стоит между мною и Оксаной, как бетонная стена высотой до неба.

- Я понял, — мрачно сказал Александр, перевоплотившись в обратную сторону.

Он с минуту помолчал и продолжил:

- Первое. Когда я принимал решение сделать то, что между нами произошло, я не испытывал никаких иллюзий по поводу того, что буду чувствовать потом по отношению к Оксане.

Второе. Я никогда не жалел и не жалею о том, что произошло.

Третье. Если вернуть тот момент, то, даже зная, к чему это приведёт, учитывая вот этот вот наш с Вами разговор, я бы поступил точно так же, как поступил.

Четвёртое. Я никогда не скрывал от Оксаны своё особое отношение к Вам.

Пятое. Мне самому было бы проще жить, не скрывая то, что между нами произошло. Но...

Ирина Борисовна, это Вы, я и Станислав Андреевич знаем, что произошло на самом деле под видом... Ирина Борисовна, сомневаюсь я, что Оксана сможет это понять.

- Саша, я тоже в этом сомневаюсь. Если бы я не сомневалась, я бы, конечно же, поставила тебя в известность о своём решении, но не стала бы спрашивать у тебя разрешения, поскольку убрать все барьеры между мною и Оксаной для меня крайне важно.

- Я в этом уверен. Прошу прощения за мою первую реакцию. Просто, слишком неожиданно. Ирина Борисовна, я понимаю, что если бы в этом не было особой важности, Вы бы... Ну, в общем, мы бы сейчас с Вами говорили только о фирменном стиле.

- Вот именно, — сказала Ира, лишь бы что-то сказать.

Она уже давно чувствовала острое желание выбежать отсюда по направлению к зеркалу, но рекомендация Ихана, ставить это своё желание превыше всего, в данный момент выглядела неуместной.

- Ирина Борисовна, — разрезал тишину голос Александра, — давайте я это сделаю.

Ира усмехнулась с горечью.

- Саша! Да я была бы счастлива! Но...

Продолжение фразы оборвал отчаянно завопивший Ирин мобильник.

- Ира, ты где? — спросил из него голос Стаса.

- У Саши в кабинете.

- Я сейчас к вам поднимусь.

- Хорошо, — по инерции сказала Ира тишине, потому что Стас уже успел отключиться.

- Станислав Андреевич? — спросил Александр.

- Да.

- Он в курсе?

- Пока нет.

Дверь открылась.

- Что тут у вас? — спросил Стас, заходя в кабинет.

Ира посмотрела на Александра.

- Саша, сможешь рассказать?

Александр кивнул.

- Тогда я покину вас ненадолго, — сказала Ира и вышла, чувствуя взгляды в спину, но не оборачиваясь.

Направляясь к спасительному зеркалу, она мрачно усмехнулась, не представляя, чем её отражение сможет помочь, и отчаянно надеясь, что Александр не даст разрешение, тем самым позволив с чистой совестью похоронить безумную идею.

Ира закрыла дверь и уставилась в зеркало. Если в первый раз всё, что ей было нужно, это набраться храбрости начать неприятный разговор, то сейчас...

Если в первый раз она лишь констатировала эффект, то сейчас была без малого в шоке, чуть ли ни кожей чувствуя, как со всех мыслей исчезает эмоциональный налёт.

- Ихан, ты — волшебник.

К её возвращению, Стас и Александр успели всё обсудить и сидели молча.

- Ира, — начал Стас, как только она закрыла дверь, — понятия не имею, с чего тебе в голову пришла такая идея. Она мне, мягко говоря, не очень нравится. Но коли уж ты так решила, позволь я это сделаю. Поверь, у меня это получится с наименьшими потерями.

- Стас, верю безоговорочно. Мало того, вы себе представить не можете, как мне не хочется этого делать, но, к моему величайшему сожалению, если Саша разрешит, мне это сделать придётся. Притом мне и только мне.

Поймите, если это сделает кто-то из вас, Оксана всего лишь узнает неприятную новость.

Я не этого хочу.

Стас, как бы я ни относилась к тому, что произошло между мною и Сашей, как бы Саша к этому ни относился, и как бы ты к этому ни относился, есть общепринятое мнение по поводу подобных ситуаций.

Само собой, можно плевать на это мнение, что мы и делаем, но проблема в том, что от этого оно, к сожалению, не исчезает.

Общественное мнение по поводу подобных ситуаций — это мощный энергетический фактор. Назовём это так.

В наших взаимоотношениях этот энергетический фактор не имеет значения, потому что, хоть он и не исчезает, он находится как бы в стороне, не оказывая своим наличием никакого влияния.

А вот в моих взаимоотношениях с Оксаной, он не в стороне, а между нами.

До сих пор это тоже не имело значения. А вот теперь...

Стас, ты знаешь, с чем ты меня познакомил за минувшую неделю. Надеюсь, ты без объяснений поймёшь, зачем мне нужна связь с Оксаной, не преграждённая никакими энергетическими барьерами.

- Насчёт полного понимания не уверен, но думаю, что догадываюсь. Ира, я могу провести Оксану через всё то же самое.

- Стас, её не нужно проводить через всё то же самое, потому что, в отличие от меня и от практически всего рода людского, у Оксаны с этим всё в порядке. Она лишь не отдаёт себе в этом отчёта.

Стас на мгновение задумался, а затем усмехнулся.

- Похоже, ты права. Однако, в любом случае, я могу направить её туда, куда ты скажешь.

- Нет, Стас, не можешь. Между нею и тобой стоит та же самая стена. Да, она иного качества, но суть её функционирования от этого не меняется. А убрать эту стену, как я уже говорила, могу только я.

Единственное, Стас, если Саша разрешит это сделать, я буду тебе признательна, если ты возьмёшь на себя труд сгладить последствия, которые, если честно, я боюсь даже вообразить.

- Ну! Это в любом случае без вариантов. Разумеется, я сделаю всё, что в моих силах.

- Ирина Борисовна, как Вы собираетесь это осуществить? — спросил Александра, стоя у окна и созерцая потоки воды с неба.

- Я для этого попросила Оксану в четверг помочь мне навести порядок в квартире.

- Ясно, — тихо изрёк Александр.

- Саша, так ты даёшь разрешение на этот разговор? — спросила Ира.

- По-моему, и без слов понятно, что даю.

- Не спорю, но в данном случае мне нужно от тебя что-то вроде официального заявления.

Александр повернулся от окна, пронизывающим взглядом посмотрел на Иру, затем на Стаса.

- Хорошо. Ирина Борисовна, я разрешаю Вам рассказать Оксане о том, что произошло между Вами и мною в августе прошлого года.

Я хочу, чтобы Вы знали, что я разрешаю Вам сделать это не только потому, что это нужно Вам. Это нужно мне самому.

Я уже говорил, что я никогда не жалел и не жалею о том, что произошло, — Александр с вызовом посмотрел на Стаса, — и если вернуть тот момент, я поступлю точно так же даже с учётом тех последствий, которые вполне могут возникнуть, как только Оксана узнает обо всём.

Ирина Борисовна, стена, которая стоит между Вами и Оксаной, точно так же стоит между Оксаной и мной. Не знаю, ощущает ли эту стену Оксана, но мне эта стена мешает.

Я отдаю себе отчёт, что когда эта стена рухнет, она может уничтожить то, что я ценю больше, чем собственную жизнь. Тем не менее, я готов на этот риск.

В любом случае, после этого наши отношения с Оксаной не будут такими, какие они есть сейчас, но я надеюсь, что мне удастся направить их изменение не в сторону уничтожения, а в сторону истинного единения полной искренности и доверия, которые невозможны сейчас из-за этой стены.

- Саша, ты прекрасно знаешь, что я хочу того же, что и ты, и приложу все силы к достижению этого, — заверила его Ира.

- Я в этом не сомневаюсь ни на минуту, Ирина Борисовна.

- Саша, я помогу тебе, — пообещал ему Стас.

- Спасибо. А сейчас, я прошу прощения, но я хочу побыть один.

- Само собой, — сказал Стас.

Они с Ирой направились к двери. Перед самой дверью Ира остановилась.

- Да, Саш, извини, совсем забыла, тебя Ихан просил к нему зайти.

- Хорошо. Я спущусь к нему минут через пять-десять.

Ира и Стас вышли.

- Пойдём ко мне, — предложил Стас.

Ира кивнула.

- Как ты вовремя! — выдохнула она, падая на стул в кабинете Стаса.

- Жене спасибо скажи. Едва вернулись, он позвонил мне и посоветовал срочно тебя найти, потому что с тобой что-то не в порядке.

- Так тебя не было в офисе?

- Ни меня, ни Жени, ни Влада. Нужно было решить кое-какие вопросы, так что мы пообещали пораньше и слиняли. Вернулись за несколько минут до того, как я поднялся к вам с Сашей.

- Стас, я боюсь.

- Ничуть в этом не сомневаюсь. Кстати, у меня есть для тебя кое-что в качестве утешения. Помнишь, что я тебе сказал, после твоей беседы с Наташей?

- Что я умру, если ещё раз пообщаюсь с кем-нибудь таким образом?

- Да. Можешь об этом забыть.

- Твоя кровь?

- Нет. Без моего участия не обошлось, но то, в чём ты нуждалась, тебе дал улар. Точнее, та личность, которая была воплощена им.

Видишь ли, хоть это и выглядит чем-то из разряда сверхъестественного, то, в чём ты нуждалась, касается исключительно физиологии.

В этом смысле, моя кровь не могла и не стала для тебя чем-то большим, нежели банальным продуктом питания. Чем-то большим она стала для тебя на другом уровне.

Однако это не способно дать твоему организму прочность, необходимую для экспериментов типа общения с человеком как с деревом.

- Стас, до улара, я общалась с твоей подачи с деревом без каких-либо неприятных последствий.

- Верно. Но общение с деревом, как с деревом — это одно, а общение с человеком, как с деревом — это другое. Как бы тебе объяснить... — Стас задумался на пару мгновений. — Придумал. Пример, как всегда, далёк от совершенства, но тем не менее. Сравни, сколько энергии ты тратишь на разговор на родном для тебя русском, и сколько этой энергии у тебя уходит при точно таком же общении, но на английском.

- Поняла. То есть, наше недельное блуждание по горам преследовало несколько целей?

- Ира, ставил я перед собой только одну: познакомить тебя со вторым и с третьим приближением. Однако если возникали возможности по ходу решить другие проблемы, я не пренебрегал ими.

- Но ты сам после моего разговора с Наташей сказал, что будешь, так сказать, работать над увеличением прочности моего человеческого организма.

- Да, сказал. Однако на тот момент у меня не было идей по этому поводу. Улар такую идею подкинул.

- Стас, я догадываюсь, что это с трудом поддаётся объяснению, если поддаётся вообще, но мне интересно, что же всё-таки сделал для меня улар такого, чего не в состоянии сделать твоя кровь с перетянутыми туда силами сути?

- Объяснению поддаётся. Представь, что вся жизненная сила организма заключена в сосуде. Этот сосуд может иметь разную степень наполненности и разное качество наполнения. Но в любом случае, он имеет неизменный объём.

Скажем, трёхлитровая банка. Ты можешь налить туда три литра воды, а можешь — три литра мёда. Однако и в том, и в другом случае это будет три литра и ни граммом больше.

При непривычных для человека способах взаимодействия тратится большее, но строго определённое количество энергии, независимо от её качества. Качество энергии влияет лишь на качество сигнала передаваемой и принимаемой информации.

Образно говоря, при общении с человеком как с деревом, ты тратишь два литра и восемьсот грамм. Если это вода, то качество сигнала будет низким, а если мёд, то высоким. Однако в любом случае, ты потратишь два литра восемьсот грамм, и если твоя банка наполнена, к

примеру, лишь на два с половиной литра — и даже если на необходимые два восемьсот — то в результате такого общения ты умрёшь, поскольку израсходуешь всю свою жизненную силу.

Моя кровь, в данном случае, стала чем-то вроде мёда, что позволило тебе получать и передавать сигналы самого высокого качества. Образно говоря, я мог бы дать тебе пять литров этого мёда, но в трёхлитровую банку дополнительные два литра не помещаются.

- Если не ошибаюсь, что-то подобное есть у Кастанеды, только он писал об этом несколько по-другому.

- Верно. Есть. Неважно, какие метафоры использовать для объяснения — а объяснить это можно только с помощью метафор — важно качественное понимание, позволяющее использовать информацию на практике, а не только в виде теоретических разглагольствований.

Так вот... — Стас усмехнулся. — Опять ВНИМАНИЕ. Видишь ли, до ситуации с уларом я не обращал на это ВНИМАНИЯ.

Если помнишь, рассказывая о даре освобождённой личности, я не мог сообщить тебе ничего конкретного даже с помощью метафор. В тот момент я уже уловил суть этого дара, но не мог сформулировать свои догадки.

Дело в том, что в ситуации с кавказским уларом впервые моей главной заботой стало то, чтобы хотя бы часть этого дара перепала тебе. Благодаря этому я обнаружил, что представляет собой одна из составляющих этого дара.

Ира, ты получила от улара, образно говоря, ещё одну ёмкость для жизненной энергии, ещё одну трёхлитровую банку в дополнение к своей собственной. Понимаешь?

- Думаю, что да. Если я израсходую на всякие экстравагантности содержимое собственной банки, у меня останется резерв жизненных сил в той, что подарил мне кавказский улар?

- Вот именно!

- Здорово! Но... Стас, я не представляю себе, как разговаривать с Оксаной.

- И не представляй. Представлять следует цель, которую хочешь достигнуть, а не способы её достижения.

Ира, обещая тебе решить проблему увеличения прочности твоего человеческого организма, я не представлял себе, как это сделать, но я представлял себе цель. В итоге, я сделал то, что собирался. В твоей ситуации всё то же самое. Понимаешь?

- Да.

- Когда мне Саша сообщил, что ты себе придумала, я растерялся. Но когда ты объясняла, чего хочешь... — Стас усмехнулся. — Саша до крайности однозначно выразил своё отношение к тому, что между вами произошло. А как ты к этому относишься?

Ира, если чувствуешь себя неудобно, можешь ответить на этот вопрос только самой себе, но всё же постарайся озвучить этот ответ. Чтобы тебе было легче, напомним, что в тот же самый период в моей постели побывала значительная часть женского населения нашего офиса.

- Как я к этому отношусь? Я никогда не задумывалась над этим. Точнее, мысли по этому поводу были, но из разряда как я ДОЛЖНА к этому относиться, но не как отношусь на самом деле.

Если в качестве шаблона взять ответ Саши, то...

Я, как и он, не жалею, о том, что произошло и никогда не жалела. А вот насчёт того, поступила бы я точно так же, если вновь оказаться в той же точке времени, но зная о последующем развитии событий, вот этого я не знаю. Тогда я была в таком состоянии, что...

- Знаю в каком, — перебил Стас. — Сам в таком же был. Ира, я тебе гарантирую, если бы ты снова попала в ту же точку времени, но зная о последующем развитии событий, ты бы поступила точно так же, и я тебе объясню, почему.

Видишь ли, Саша помог тебе не только почувствовать разницу.

Правила, устои и предрассудки социума — это пародия на СОГЛАШЕНИЯ.

Как ты знаешь, СОГЛАШЕНИЕ — это СОГЛАСЕН, это ХОЧУ. А правила, устои и предрассудки социума — это ДОЛЖЕН, НАДО, ОБЯЗАН.

ДОЛЖЕН, НАДО, ОБЯЗАН — это стена на пути СОГЛАСЕН и ХОЧУ.

Именно из-за этой стены в чисто человеческом нет Истинных Соглашений, потому что чисто человеческое намертво связано законами социума.

Даже если ты ХОЧЕШЬ того, что ОБЯЗАН, ты в первую очередь ОБЯЗАН, а ХОЧЕШЬ не имеет значения.

Жить в соответствии с СОГЛАШЕНИЯМИ, а не в соответствии с правилами социума значит жить вопреки правилам социума.

Если ХОЧУ не совпадает с ОБЯЗАН сложностей не возникает. Плюёшь на ОБЯЗАН и делаешь то, что ХОЧЕШЬ, тем самым ломая эту стену.

Гораздо сложнее, если ХОЧУ и ОБЯЗАН совпадают. В этом случае, эта стена становится невидимой и неосознанной, но продолжает существовать, препятствуя взаимодействиям на основе Соглашений.

Ира, наши с тобой взаимоотношения с момента официального знакомства в офисе Игоря строились исключительно по законам социума. Мы с тобой всё то время взаимодействовали в соответствии с правилами вежливости и этикета.

С другой стороны, то, что касается наших с тобой Соглашений, формально соответствует правилам социума. Таким образом, то, что относится к Истинным Соглашениям, оказалось заблокированным без возможности ощутить эту блокировку.

То, что произошло между тобой и Сашей, откровенное надругательство над правилами, устоями и предрассудками социума.

С точки зрения этих правил, устоев и предрассудков, он, являясь моим другом, изменял своей любимой женщине с тобой, прекрасно зная, как я к тебе отношусь, и на тот момент даже лучше тебя самой зная, как ко мне относишься ты. Ты же...

Да, с точки зрения социума, по большому счёту, нельзя сказать, что ты изменяла мне, поскольку на тот момент у нас с тобой толком ничего и не было.

Не было с точки зрения социума.

Однако ты знала об отношениях Саши и Оксаны. И хотя Оксану нельзя назвать твоей близкой подругой, ваши взаимодействия выходят за рамки общения просто знакомых и сотрудников.

То есть, с точки зрения социума, ты и Саша жуть чего вытворили.

Ира, на самом деле, тем, что вы вытворили, вы сделали видимой стену из правил, устоев и предрассудков социума, которая была между мною и тобой.

Ты отлично знаешь, какой образ жизни я вёл в тот же самый период. Мало того...

К примеру, Гена и Женя могут позволить себе лёгкий флирт с сотрудницами офиса, но не более того. То есть, в пределах офиса они следуют правилам социума.

Я же — наоборот.

Хотя бы раз я переспал почти со всеми представительницами женского пола, которые у нас работают. Разумеется, я имею в виду наш второй этаж — в то время, ещё и первый. Более того, в качестве средства убеждения отдался мне, я всегда использовал исключительно своё служебное положение. Это — моя обычная практика, которая в тот период лишь приобрела повышенную интенсивность.

Безусловно, одной из причин повышения интенсивности стало моё состояние, которое для тебя в описании не нуждается. В тот период мы с тобой переживали одно и то же. Но эта причина не единственная.

В отличие от тебя, я всегда знал, что правила, устои и предрассудки социума станут для тебя и для меня преградой на пути к действию Соглашений, поскольку наши с тобой Соглашения похожи на правила социума.

- Стас, получается, когда ты заявил, что знаешь о том, что у меня произошло с Сашей, и рассказал о том, что у тебя было с Леной, тем самым, ты сломал эту стену?

- Сломал — это громко сказано. Пробил — будет точнее. Понимаешь, не случись у тебя с Сашей того, что случилось, а у меня с Леной и всеми остальными, между нами стояла бы та же самая стена, только вот пробить её было бы невозможно.

- Как я понимаю, окончательно избавиться от неё получилось с помощью Блэйза?

- Блэйза и той девушки, которую он порекомендовал мне.

- Подожди, значит стена, которая сейчас стоит между мною и Оксаной, стояла между нами всегда, а не появилась в результате того, что мы с Сашей вытворили. Она лишь стала заметной. Так?

- Да. Ира, всё это касается не только тебя, меня, Сашу и Оксану. К примеру, ты и Лу — близкие подруги. Несмотря на это многое в ваших взаимоотношениях лишено искренности Соглашений и наполнено формальностью приличий и этикета. Не сомневаюсь, что Лу, так или иначе, наталкивала тебя на идею переспать с Геной.

- Ага! Я надеюсь, ты не собираешься посоветовать мне то же самое?

Стас рассмеялся.

- Скажем так: я не против, но это — твоё личное дело.

- Спасибо! — язвительно поблагодарила Ира.

- Пожалуйста! — ей в тон ответил Стас и усмехнулся.

- Шутки шутками, — продолжила Ира серьёзно, — но я понимаю, о чём ты. Однако, к сожалению, это понимание не добавляет мне смелости.

- Ира, ты думаешь, мне было просто?

- Думаю, что да, поскольку в этой ситуации ты, образно говоря, пострадавшая сторона, а я — виновная.

Стас тяжело вздохнул.

- Ира, вот честное слово не поленюсь и составлю для тебя список всех, с кем переспал за тот месяц, и на первом же общественном мероприятии всех их тебе покажу.

- Можешь не напрягаться. Для меня это в качестве утешения никогда не работало и не работает.

- А ты думаешь, для меня когда-то работали в качестве утешения твои приключения с Сашей? Поверь, сейчас, перед разговором с Оксаной ты чувствуешь всё то же самое, что чувствовал я, перед разговором с тобой.

Почему я так смело это сравниваю? Да потому что все эти страхи и неловкости — продукт сугубо человеческого, навеянного социумом, а тут всё работает по одной программе.

Ира, мой тебе совет: не выдумывай, что и как ты скажешь Оксане, а нацелься на то, чего ты хочешь добиться с помощью этого разговора.

- Спасибо, — с улыбкой, но без особого энтузиазма поблагодарила Ира.

В этот момент за окном ослепительно вспыхнула молния, и раздался такой раскат грома, что завизжали сирены сигнализаций машин и задребезжали стёкла.

- Как ты сегодня доехал сюда? — взволнованно спросила Ира, глядя на сплошную стену дождя.

- Чудом, — честно признался Стас.

- Надеюсь, ты не собираешься таким же образом возвращаться домой?

- Боюсь, сегодня мне туда вообще возвращаться не придётся.

Едва заняв своё место в кабинете, Стас разбудил компьютер и совмещал разговор с работой.

- Может, помочь чем-нибудь? — предложила Ира.

- Чем, к примеру? — Стас усмехнулся.

- Ну не знаю. Алина же чем-то тебе помогает?

- Ира, но ты же не Алина. Я тебе дольше объяснять буду, чем сам сделаю.
- Как скажешь. Я тогда пошла помогать Лу.
- А тебе обязательно рядом с ней сидеть?
- Скорее всего, нет.
- Ну, если точно нет, бери ноутбук и спускайся ко мне.
- Хорошо.

Минут через пятнадцать Ира сидела в кабинете Стаса. По поводу вообще не отправляться сегодня домой, он, конечно, погорячился, однако покинули они домик с дыркой только около часа ночи.

Во вторник дождь продолжал лить, но уже без угрозы Всемирного Потопа. Тем не менее, Стас убедил Алину и сегодня остаться с Аристархом дома. В итоге, Ира вновь весь день работала у него в кабинете.

Что творилось вокруг, её пониманию не поддавалось, но одно было ясно точно: гибрид дурдома с преисподней.

Стас практически не отрывался от компьютера, при этом постоянно звонили три телефона, а в кабинет то и дело кто-нибудь заходил. При этом темы телефонных и кабинетных переговоров друг с другом не пересекались.

Ира призналась себе, что, попади она на место Стаса, уже через десять минут такого ритма непременно бы убила кого-нибудь. Стас же ни разу даже голос ни на кого не повысил, и даже тогда, когда реплики заглядывающих обитателей второго этажа представляли собой воплощение идиотизма.

- Стас, как ты это выдерживаешь? — со смесью ужаса и восхищения спросила Ира, когда они собирались идти обедать.

- Ира, мне бы хотелось, чтобы, пока нет Алины, ты поработала у меня в кабинете, но если невмоготу, я не настаиваю на твоём присутствии. Так что, если хочешь, после обеда можешь идти к себе.

- Да мне-то нормально! Я со вчерашнего вечера в состоянии нирваны. Но как ты можешь выдерживать этот ад?

Ира не обманывала. Вчера во второй половине дня, когда она уселась со своим ноутбуком в кабинете Стаса, её окутало упоительное состояние всепоглощающего покоя и безмятежности, в котором работалось с необычайной лёгкостью.

Сегодня всю первую половину дня она трудилась в этом же состоянии, на которое никак не влияли её наблюдения за полыхающим вокруг адом.

- В состоянии нирваны, говоришь? — с улыбкой переспросил Стас. — Нравится это состояние?

- Очень!

- Ира, это — моё состояние, которое я намеренно передаю тебе. **Всё что угодно можно использовать для всего чего угодно.** Я использую обычное течение рабочего дня для создания себе состояния, которое ты сейчас назвала нирваной.

- Стас, использовать этот дурдом для создания себе состояния, которое я назвала нирваной?! Это невозможно!

- Почему? Да, мне не всегда удаётся это с блеском, даже несмотря на весьма продолжительный опыт работы в этом направлении, однако я никогда не перестаю стремиться к цели.

Цель же, в данном случае, чувствовать себя так, как я хочу себя чувствовать, а не так, как принято в подобных обстоятельствах, и мало того, использовать сами складывающиеся обстоятельства для достижения этой цели.

Кстати, меня тут любопытство изгрызло. Чего Ихану вчера понадобилось от Саши?

- Я сказала Ихану, что меня ждут два неприятных разговора, и он попросил, чтобы после первого разговора я посоветовала моему собеседнику заглянуть к нему.

- В таком случае, не понимаю, почему ты столь небрежно отнеслась к просьбе Ихана?
- В смысле?
- Ну я ведь тоже был твоим собеседником.

Ира уставилась на него, тупо хлопая глазами. Стас рассмеялся, потом поцеловал её и сказал, распахивая дверь:

- Идём!

Истинные мотивации

В среду утром солнце сияло так, что невозможно было поверить, что вчера небо застилали тяжёлые свинцово-серые тучи, поливающие Сочи, казалось, уже вечным дождём.

Ира и Стас на работу отправились вместе через проход, потому что, как и в понедельник, во вторник машина Стаса осталась ночевать во дворе домика с дыркой.

В честь наладившейся погоды, Алина с Аристархом вышла на работу. Кроме того, за вторник иссякло то, что Ира могла делать без Лу. Так что она сразу отправилась на четвёртый этаж.

Шаги гулко отдавались в пустынном коридоре, однако за дверью кошачье-собачьего кабинета царило оживление. Ира заглянула туда.

- Привет! Кофейку выпить не желаете? — предложила она Зиву и Лоренцу.

- Неплохо было бы, — промурлыкал Лоренц, сосредоточено глядя в монитор.

- Тогда, идёмте, — сказала Ира и направилась в курилку.

Как только кофе был готов, на пороге появился Александр.

- Саша, сомневаюсь, что от тебя сегодня будет толк, — заметила Ира вместо приветствия, едва глянув на Александра. — Так что, иди-ка ты к Оксане.

Александр нервно расхохотался.

- Как я понимаю, меня только что послали?

- В точку! Саша, серьёзно, иди к Оксане. Каюсь, мне ещё в понедельник следовало до этого додуматься.

- Я Вас прощаю! — с вычурной манерностью ответил Александр, тяжело вздохнул и хотел что-то сказать, но тут зашли Лоренц и Зив, а следом за ними — Лу и Миха.

Александр принял участие в утренних посиделках, но, допив кофе, со всеми попрощался и ушёл. Немного погодя удалился и Миха, который с понедельника всерьёз отдался профилактике компьютерного оборудования второго этажа.

Лу явно что-то хотела сказать Ире, но как только Лоренц и Зив отправились дальше заниматься своим сайтом, Ира с горящими глазами поволокла её в личный кабинет, где с энтузиазмом продемонстрировала, что ей удалось натворить за вечер понедельника и вторник. В итоге, они погрузились в работу и не выныривали из архитектуры, пока Женечка не поставил их в известность, что пора обедать.

В буфете уже присутствовала большая часть обитателей первого и третьего этажей, и царило оживление, правда, не всеобщее, а по группам.

В самом дальнем углу сидели Стас и Лена. Их тарелки с источающим пар рассольником отдыхали на середине стола, а на его краю лежала открытая папка со стопкой бумаг. Лена засыпала Стаса вопросами по поводу всё ещё непривычных для неё функций директора отдела.

От предложения Максима возглавить его отдел Лена откровенно запаниковала и согласилась только потому, что Максим ничего ей не предлагал, а поставил в известность, не оставив выбора. Как идут у неё дела, Ира понятия не имела, потому что, хотя формально Лена занимала новую должность уже почти месяц, только с прошлой недели, которую Ира и Стас провели в горах, она приступила к выполнению своих обязанностей.

Так получилось по двум причинам. Во-первых, больше, чем предполагалось, занял поиск работника за стойку офис-менеджера. А во-вторых, Максим, конечно же, понимал, что до свадьбы мозги Лены будут заняты свадьбой, и не особо напрягал её, взяв большую часть административных вопросов на себя.

Заметив Иру, Стас кинул на неё наполненный издёвкой взгляд, придвинулся ближе к Лене и сделал вид, будто обнял за талию, правда, не прикасаясь к ней. Так что Лена, поглощённая своими вопросами, осталась в неведении относительно сего жеста.

Ира подавила смешок.

Стас, похоже, собирался сделать ещё что-то для усиления эффекта, но тут в буфете появился Рома. Поскольку в планы Стаса не входило разжигание супружеской ревности, ему пришлось вернуть своё поведение в рамки приличия.

Наполняя тарелки, Ира невольно услышала часть разговора Стаса и Лены.

- Лена, — сказал Стас, — разумеется, ты можешь обращаться ко мне в любое время. Но ещё раз повторяю: ты — директор не отдела, а подотдела. Тебе в любом случае придётся сталкиваться по работе с Александром. Чем раньше ты себя переломишь, тем лучше. К тому же, всю эту работу Александр знает гораздо лучше меня и способен помочь тебе гораздо больше, чем я.

- Я понимаю, Станислав Андреевич. Я постараюсь, — ответила Лена мрачно.

Когда Ира покончила с первым и принялась за второе, дверь буфета распахнулась вновь. На пороге стояла сияющая Оксана, а позади неё — не менее сияющий Александр.

- Как? — громыхнуло залпом всех голосов разом.

- Блестяще! А как ещё может быть? — воскликнул с гордостью Александр.

- У вас там всё так быстро? — удивилась Алла. — Мы только часам к десяти вечера узнали результаты.

- Защита продолжается, — смущённо заговорила Оксана. — Я прошла в первых рядах, ну и... — Оксана засмущалась ещё больше.

Александр пришёл ей на выручку.

- Оксана — единственная, кому председатель комиссии сразу объявил результат, подчеркнув, что он однозначен и в обсуждении не нуждается. Но это не всё! Сергею Леонидовичу пришлось выстоять нешуточный бой, поскольку на Оксану посыпались предложения дальнейшей научной работы. И, смею заверить, он бы его не выстоял, если бы решение Оксаны продолжать работу с ним отличалось бы чуть меньшей твёрдостью.

Буфет утонул в шквале аплодисментов, под которые на пороге появился Гена.

- Что здесь происходит? — радостно поинтересовался он во всю мощь своего сценически поставленного голоса, дабы перекрыть овации в честь Оксаны.

Несмотря на то, что говорили все разом и вразнобой, Гена понял суть события быстро. Он заявил, что это нужно отметить и, не удосуживаясь выяснить, что думают остальные по поводу внесённого им предложения, схватился за мобильник.

- Друзья мои, — приступил Гена к оглашению официального заявления, окончив телефонные переговоры, — в пять часов нашу дружную компанию ждут в ресторане Светлана. Так что, сейчас постарайтесь не переполнять желудки. Да, кстати! — спохватился он, вновь извлекая мобильник. — Я отправил Тамару отдыхать после перелёта, а предстоящее в пять часов мероприятие как раз в тему.

После обеда Женечка, Стас, Влад и Александр последовали за Генкой в конференц-зал.

- Лена, ты с нами, — позвал её Стас.

Лена кивнула, пробормотав что-то невнятное, и поплелась за ними.

Ира, Лу и Миха единодушно решили, что им сейчас не до работы и, продолжая поздравлять Оксану, направились в курилку.

Там их ждали Зив и Лоренц, которых привлёк шум на третьем этаже, и они уже в общих чертах были в курсе по поводу повода столь бурных излияний представителей человечества.

Максим, выдав распоряжения своим, поднялся следом.

Примерно через полчаса компания, жаждущая подробностей Оксаниного успеха, пополнилась Иханом.

Без пятнадцати пять за ними поднялся Гена.

Прихватив с первого этажа делающих вид, будто что-то делают, Яну, Рому и Наташу, похожая на демонстрацию толпа выдвинулась в сторону ресторана Светлана.

Вообще-то, Лидия Гавриловна собиралась остаться за старшую, так как мероприятие не касалось второго этажа. Однако когда Гена, забирая из курилки четвёртого этажа заседающих там, объявил о её решении, Лоренц заверил, что в этом нет необходимости, потому что они с Зивом сумеют проконтролировать ситуацию, оставаясь незамеченными.

Выслушав «перевод» предложения Лоренца, Гена отнёсся к нему скептически.

- Геннадий Васильевич! — окликнул его Ихан. — Поверьте, Лоренц и Зив способны на это. Знаете, не удивлюсь, если по итогам их деятельности возникнет идея расширить круг их обязанностей.

- Серьёзно? — Гена хмыкнул. — Сложность в том, что если такая идея возникнет, она вряд ли воплотится в жизнь. Видите ли, я понятия не имею, в каком эквиваленте следует оплачивать их труд.

Зив и Лоренц принялись кататься по полу.

- Что это с ними? — растерянно поинтересовался Гена.

- Эквивалент хохота до слёз, — пояснила Ира.

Первым взял себя в лапы Зив и проорчал:

- Нам предстоит обсуждение ряда вопросов с Ирой, полагаю, что в ходе этого обсуждения, нам удастся определить в каком эквиваленте «Стиль-Код» сможет оплачивать наши услуги.

Выслушав «перевод», Гена хихикнул.

- Замечательно! — со всей доступной ему в этот момент твёрдостью изрёк он. — Только давайте сейчас на этом и остановимся в целях сохранения здоровья моего рассудка. Хорошо?

Пару минут кошки-собаки вновь катались по полу, а представители человечества умирали от хохота.

По-видимому, Гена поделился своими приключениями на четвёртом этаже с Женечкой, Стасом, Владом и Александром, потому что весь недолгий путь до ресторана их группу то и дело накрывало смехом.

Само собой, Лидии Гавриловне отсутствие необходимости остаться в офисе объяснили как-то по-другому, а может, и не объяснили вообще, потому что она никак не могла успокоиться по поводу брошенных на произвол судьбы «недоумков».

Максим подошёл к ней, взял под руку и увлёк в компанию Иры, Лу, Оксаны, Ихана и Мухи, к которой, естественно, принадлежал и сам.

- Лидия Гавриловна, да что ж Вы так убиваетесь-то? Не дети же малые. Взрослые люди все.

- Взрослые-то взрослые, а ответственности, можно сказать, никакой вообще.

- Лидия Гавриловна, я Вам гарантирую, всё будет в порядке. Гляньте! Раз уж Геннадий Васильевич, Владислав Валерьевич, Евгений Вениаминович и Станислав Андреевич не волнуются, Вам-то с чего себя изводить?

Скорее всего, Максим не только говорил, но и делал что-то, потому что настроение Лидии Гавриловны поменялось как-то уж слишком быстро.

- Вы лучше скажите, как там Гаянэ? — спросил Максим, едва удостоверившись в благотворном эффекте своего влияния.

- Ох, Гаянэ! — Лидия Гавриловна тяжело вздохнула и покачала головой.

- Что такое? — Реакция Лидии Гавриловны на вопрос застала Максима врасплох. — Насколько я знаю, Геннадий Васильевич доволен её работой.

- Да, в работе-то она — умничка, но... — Лидия Гавриловна снова тяжело вздохнула и покачала головой.

- Да что случилось-то? — Максим смотрел на неё встревожено.

- Что-что! Замуж собралась!

- Так это же хорошо! — Максим облегчённо заулыбался.

- Чего же хорошего, Максимчик? Где ж это видано? Едва познакомилась и тут же замуж! Недели не прошло! Где же это видано замуж за первого встречного?

- Лидия Гавриловна, ну почему же сразу за первого встречного? Неужто Гаянэ до этого ни с кем не знакомилась? Неужто, едва познакомившись, сразу замуж собиралась?

- Нет, конечно. Но ведь человека, его ж прежде узнать надо, перед тем как замуж выходить!

- Лидия Гавриловна, так ведь узнала, значит, раз замуж решила идти.

- Ох, Максимчик! Оно бывает и многих лет недостаточно, чтобы человека-то узнать. А здесь! Я ж говорю! Недели не прошло!

- Лидия Гавриловна, коли не узнаёшь человека сразу, и всей жизни мало, чтобы узнать. А вот коли узнаёшь, это сразу происходит.

- Эх, Максимчик, Максимчик! Твои бы слова да богу в уши! Хорошо, коли так, да только не по-людски это, едва встретив, мигом в ЗАГС бежать!

- Так уже и заявление подали, что ли?

- То-то и оно! Даже у отца не спросила. Перед фактом поставила. Никто из нас этого жениха в глаза не видал! Никто помыслить не мог, что она такое вытворит! Сколько лет, как Ашотик её погиб, даже смотреть ни на кого не хотела, а тут вон оно что!

- Да. — Максим светился счастьем. — Нечто невероятное. А невероятное, оно, Лидия Гавриловна, далеко не с каждым происходит. Сдаётся мне, Лидия Гавриловна, Гаянэ свою любовь нашла, своё счастье. Ведь Вы её лучше меня знаете. Знаете, что без веской причины она бы никогда такого не сделала, ведь так?

- Так, Максимчик. — Лидия Гавриловна опять вздохнула. — Да только...

- Не волнуйтесь, Лидия Гавриловна, всё хорошо будет. И ещё лучше, если Вы мне можете с её отцом поговорить.

- Ой, Максимчик, извини, но даже пытаться не буду. Суренчик сам не свой, как узнал. А норов у него — ой не подарок. Только неприятностей с тобой схлопочем.

Ира подошла вплотную к Максиму и тронула за плечо.

- Максим, — прошептала она.

Максим скосил на неё глаза, едва заметно кивнул и перевёл разговор на другую тему.

- Чего хотела, сестрёнка? — спросил он, отведя её в сторону, как только они зашли в ресторан.

- Гена дружит с отцом Гаянэ. И не просто дружит. Тот ему в полном смысле слова жизнью обязан.

- Понял. Спасибо.

Как всегда, Гена взял на себя функции распорядителя торжества, и оно понеслось шквалом веселья в упоении радостью.

Однако Ира потеряла нить происходящего прямо на старте, сосредоточившись на Оксане и Александре. Сегодня от них исходили осязаемые лучи счастья.

«Одна фраза и...».

Ире было страшно додумать эту мысль до конца.

«Зачем?» — пульсировало в мозгу.

Сейчас ответ на этот вопрос выглядел околумистической чушью.

«Зачем? Ведь всё равно ничего не изменишь! И даже если бы возникла такая возможность, никто не стал бы ничего менять. Саша сказал об этом прямо, а я... Я лишь побоялась признаться себе в этом».

- Этот тост я поднимаю за Ирину Борисовну.

Услышав своё имя, Ира вздрогнула. Наискосок от неё с бокалом грейпфрутового сока стоял Александр. Ира невольно хмыкнула в удивлении. Грейпфрутовый сок, после кофе, был её самым любимым напитком. Александр же, насколько она знала, его терпеть не мог.

Первая часть тоста состояла из стандартных застольных дифирамбов, а потом Александр обратился непосредственно к Ире:

- Ирина Борисовна, мне далеко не всегда нравятся Ваши решения, как, к примеру, сейчас мне не нравится Ваше решение приостановить работу над новой игрой.

Так вот, мне далеко не всегда нравятся Ваши решения, однако их воплощение в жизнь меняет мир в лучшую сторону.

Не сомневайтесь, даже если эта лучшая сторона не проявит себя сразу. И даже, если покажется, будто наоборот случилось наихудшее.

Всё хорошо — это всё хорошо и не более.

Невозможно быть счастливым, когда банально всё хорошо. Безусловно, невозможно быть счастливым, когда всё плохо. Но...

Хорошо и плохо — это лишь точки зрения.

Счастье — это когда нет никаких точек зрения.

Ирина Борисовна, независимо от того, нравятся мне Ваши решения или нет, я подчиняюсь им. Я подчиняюсь им не потому, что я верю Вам, или верю в Вас, на опыте зная, что их воплощение в жизнь повернёт её в лучшую сторону.

Я подчиняюсь Вашим решениям, потому что ХОЧУ им подчиняться. Потому что Ваши решения стирают точки зрения, тем самым давая прикоснуться к тому, что здесь ищет каждый из нас, давая прикоснуться к счастью. К счастью творчества, к счастью любви, к счастью жизни.

Ирина Борисовна, ваши решения никогда не бывают правильными и никогда не бывают неправильными.

Правильно и неправильно — тоже лишь точки зрения.

Ваши решения заставляют искать. А если ищешь, то обязательно найдёшь. Возможно, не то, что, как тебе казалось, собирался найти, но то, что ты действительно ХОЧЕШЬ.

Не сомневайтесь!

Отправляя своим решением на поиски, Вы даёте ошеломительный шанс, и не ваши проблемы, если у кого-то не получается им воспользоваться.

К тому же, я уверен, что если и не получается, то только лишь сразу же, но обязательно получится потом. Пусть даже и не скоро.

Ирина Борисовна, не сомневайтесь в своих решениях! — Александр улыбнулся и выпил до дна отвратительный для него грейпфрутовый сок.

За столом продолжалась весёлая кутерьма, а Ира погрузилась в себя, осмысливая сказанное Александром.

- Ирчик.

Ира вздрогнула. Рядом стоял улыбающийся Гена.

- Пойдём, потанцуем.

- Пойдём. — Ира улыбнулась, поднимаясь.

- Ирчик, Лу волнуется за тебя, — начал Гена, прижав Иру к себе. — Говорит, что несколько раз собиралась побеседовать с тобой, но ты пресекла её попытки.

Ир, не переживай, я не собираюсь лезть к тебе в душу и выяснять, что с тобой. Я всего лишь хочу напомнить тебе нашу с тобой беседу за неделю до Happy Beginning.

Помимо всего прочего, мы говорили о настроении и о способах управления им. Я сказал тебе тогда, что самый простой и доступный для понимания способ — это генерирование ощущений в глазах. Помнишь?

- Помню. Ты меня тогда заставлял улыбаться только глазами.

- Ирчик! Заставлял — это уж слишком! Ну а если серьёзно, воспользуйся этим сейчас.

Завтра, как проснёшься, не открывай глаза сразу. Сначала создай в них нужное тебе ощущение. Какое, сама придумай. Открой глаза только тогда, когда добьёшься устойчивости этого

ощущения, а потом весь день его поддерживай. Да, за всякими делами ты будешь забывать об этом, но как только вспомнишь, сразу же возвращай глазам это ощущение.

И имей в виду! Я тебя не заставляю. Я всего лишь советую.

* * *

Ровно в семь утра Ира постучалась в кабинет Ихана.

- Добро пожаловать, Ирина Борисовна! Рад Вас видеть, но, к сожалению, могу сделать для Вас не всё, на что рассчитывал.

- Что-то не так?

- Не так, чтобы совсем уж не так, но... Хотя, возможно, что и к лучшему. Вы ведь знаете, как я избегаю касающейся Вас конкретики, а встретиться с Вашим собеседником так, чтобы остаться в неведении, кто это, невозможно. Знание же, кто это, наталкивает на выводы относительно конкретики, даже если не задаёшься целью их делать. Так что, может быть и правда к лучшему, что Ваш собеседник не счёл нужным последовать Вашему совету.

- Подожди! Как? — в растерянности воскликнула Ира. Она была уверена, что Александр обязательно спустится к Ихану.

- Ко мне заглянул Станислав Андреевич, но он ведь был лишь участником разговора, а не тем самым собеседником, ведь так?

- Так. Но... Ихан, не могу поверить, что Саша не зашёл к тебе?

- Саша?! — потрясённо воскликнул Ихан.

- Саша. — Оттенок растерянности Иры поменялся. — Я передала ему твою просьбу, и он ответил, что подойдёт к тебе минут через пять-десять.

- Ирина Борисовна, когда это было?

- В понедельник. Я отправилась на тот самый разговор сразу, как вышла от тебя.

Ихан застыл на несколько мгновений с приоткрытым ртом, а потом расхохотался, падая в одно из кресел. Ира обескуражено смотрела на него, силясь сообразить, что происходит.

- Минуточку, — сказал Ихан, отсмеявшись, и закрыл глаза. Посидев так немного, он усмехнулся и посмотрел на Иру. — Саша приходил ко мне в понедельник. Мало того, он сказал, что это Вы ему сообщили о моей просьбе, но... У меня и мысли не возникло, что он и был Вашим собеседником. Вроде бы есть оправдание такой недогадливости. Ещё в пятницу мы договорились, что он заглянет ко мне по кое-каким личным вопросам. И всё же я обязан был увидеть налёт неприятного разговора, потому что сейчас я это увидел, а вот в понедельник почему-то нет. Странно.

Ихан поднялся с кресла, подошёл к Ире и приступил к внесению лёгких корректировок в её внешность, продолжив свой монолог:

- Максим периодами прямо-таки одержим Сашей. Я тоже замечал за ним кое-какие любопытные детали, но никогда не придавал этому значения. А вот сейчас, похоже, я заразился одержимостью Максима. Ирина Борисовна, Саша реально разжигает любопытство.

С одной стороны, он производит впечатление человека если и не совсем обычного, то недалеко ушедшего от этой обычности.

С другой стороны, похоже на то, что он мастерски владеет кое-какими техниками, владеть которыми обычным людям несвойственно.

С третьей стороны, обнаруживается, что владеет он этими техниками, как выражается Максим, коряво, а не мастерски.

А вот с четвёртой стороны, возникают подозрения, будто эта корявость намеренная.

Всё это я заметил давно. Ещё до того, как здесь появился Максим. Однако я не придавал этому значения, поскольку если с повышенным вниманием понаблюдать за любым самым обычным человеком, тот вполне может произвести подобное впечатление.

- Ихан, а в чём для тебя разница между обычным человеком и необычным?

- Если обычному человеку не нравится внешний мир, ему не нравится то, что этот мир с ним делает. А вот Саше не нравится то, что он бессилён сделать что-либо с этим миром.

Для обычного человека установка по умолчанию, что есть некие внешние силы, которые управляют им. Такой человек может покоряться им или восставать против них — неважно — главное, что для него эти силы, в любом случае, остаются внешними.

Называют эти силы по-разному: бог, судьба, фатум, карма, предназначение, но это тоже неважно. Важна сама установка по умолчанию, что эти силы являются силами внешнего мира.

У необычного человека такая установка по умолчанию отсутствует.

Он может не осознавать этого и пользоваться в своей речи той же самой терминологией, говоря о различных явлениях, событиях, стечениях обстоятельств, ситуациях. Однако, не отдавая себе в этом отчёта, он ощущает, что силы, определяющие течение его жизни, это силы внутреннего мира, а не внешнего.

- Ихан, получается, что Осознание Сути — это стирание установки по умолчанию, что силы, определяющие течение жизни, принадлежат внешнему миру?

- Нет. Осознание Сути возможно только в том случае, если такая установка отсутствует. То есть, стирание этой установки — если она есть, а есть она у подавляющего большинства человечества — это первый шаг к Осознанию Сути.

Но даже если он сделан, Осознание Сути не становится следствием такого шага. То есть, оно не гарантировано.

Так вот, поскольку такая установка по умолчанию есть у большинства человечества, я называю людей с такой установкой обычными, а тех, у кого такой установки нет — необычными.

Безусловно, если такая установка по умолчанию есть, и человек свято убеждён, будто какие-то силы внешнего мира управляют течением его жизни, будто внешний мир что-то делает с ним — как правило, совсем не то, что он от него ожидает — от этого силы, определяющие течение жизни, внешними не становятся. Тем не менее, отношение к этим силам, как к внешним, определяет взаимодействия человека с внешним миром.

Независимо от наличия или отсутствия такой установки, эти силы неподконтрольны сознанию.

С другой стороны, если такая установка по умолчанию отсутствует, и даже если человек не отдаёт себе в этом отчёта — что бывает в подавляющем большинстве случаев — его сознание работает по-другому. То есть...

Допустим, есть два человека. Один с установкой по умолчанию, что силы, управляющие течением его жизни, это внешние силы, а другой без такой установки, но не отдающий себе в этом отчёта. Они могут делать одно и то же и говорить одно и то же о боге, судьбе, фатуме, карме, предназначении и тому подобном, но мотивации их действий и слов будут сильно отличаться.

Разумеется, такая разница становится заметной только в том случае, если намеренно её разглядываешь. Когда же удаётся разглядеть, она ошеломляет. Что называется, небо и земля. Даже не так. Море солёное, в то время как утюг работает от электричества.

Мне не посчастливилось знать Сашу до того, как Вы стали с ним работать, но слышан более чем.

- Ихан, с тех пор он ничуть не изменился. Точнее, поведение изменилось кардинально, но он сам был таким, какой он есть сейчас, всегда.

- Вот именно! Как и Ваши отношения со Станиславом Андреевичем. Сожалею, но мне пришлось узнать эту конкретику о Вашей жизни силами сеньоры Бональде. Так вот, возвращаясь к Саше. До того, как Вы стали с ним работать, его поведение было таким, каким оно было, не из-за огрехов воспитания в среде, в которой он рос.

- Как-то раз, у нас с Сашей состоялся откровенный разговор, и я была потрясена, увидев причину его воистину омерзительных внешних проявлений, которые на тот момент ещё такими и оставались. Да и сейчас остаются в определённой среде.

- Вот-вот-вот! Человек с установкой по умолчанию, что им правят внешние силы, имея в составе личности те энергии, которые входят в состав личности Саши, никогда не станет вести себя подобным образом. Почему?

Потому что эти энергии под действием той самой установки по умолчанию превратятся в сознании в морально-нравственные установки, регулирующие поведение.

Ну а человек с установкой по умолчанию, что им правят внешние силы, который ведёт себя подобно Саше, не имеет в составе личности тех самых энергий. Его мотивации подобного поведения будут именно теми, которые сами собой напрашиваются в качестве выводов относительно причин. То есть, именно огрехи воспитания в среде, в которой он рос, и нечто подобное.

- То есть, человек без такой установки свободен во внешних проявлениях и непредсказуем?

- Я бы сказал, необъясним в рамках причинно-следственных связей человеческой логики. То есть, его истинные мотивации не вписываются в причинно-следственные связи человеческой логики.

Ирина Борисовна, я убеждён, что даже то, что Вы обнаружили во время того откровенного разговора с Сашей, это лишь попытка как-то объяснить его мотивации лишь отдалённо приближающаяся к истине, а может быть, и не приближающаяся вовсе. Притом это — его попытка объяснить самому себе.

Знаете, что самое интересное?

Саша осознаёт суть и с весьма высокой интенсивностью, но это лишь с одной стороны. С другой стороны, в разговорах с ним у меня периодически возникает ощущение, будто он блокирует нечто от своего человеческого сознания.

Но это — лишь мимолётное ощущение, которое возникает на основе того, что он говорит. Точнее, это даже не ощущение, а нечто больше похожее на логические выводы. Этого по нему никак не видно. Надеюсь, Вы понимаете, какое видение я имею в виду?

- Конечно, понимаю, хотя сама и не обладаю такой способностью. Странно, Станислав Андреевич никогда не делился со мной подобным наблюдением.

- Сомневаюсь, что оно у него есть. Дело в том, что с Сашей я общаюсь точно так же как и с Вами без конкретики, в то время как Станислава Андреевича и Сашу связывают конкретные события.

Ирина Борисовна, я Вам как-то уже объяснял, как это работает, на примере сеньоры Бональде, которая владеет некоторыми видами восприятия гораздо лучше меня, но не в состоянии увидеть в Вас то, что вижу я. В отношении Саши и Станислава Андреевича всё то же самое. То есть, у меня нет возможности связать то, что я вижу, с конкретными событиями Сашиной жизни, потому что я их попросту не знаю. А вот Станислав Андреевич знает, как знает о конкретных событиях Вашей жизни сеньора Бональде. Поэтому Вы закрываетесь от неё, а Саша — от Станислава Андреевича.

Я был в отчаянии, когда сеньора Бональде избрала меня в качестве объекта для излития души. Возможно, мне самому это для чего-то нужно. Иначе бы этого не случилось. Единственное, я пока понятия не имею, для чего.

- Ихан, можно вопрос?

- Разумеется, Ирина Борисовна!

- Как мне кажется, это не в твоих правилах делиться такой информацией, которой ты поделился со мной сейчас по поводу Саши.

- Действительно не в моих. Однако полагаю, что в данном случае, игра идёт не по моим правилам. Не могу сказать, Ваши правила действуют в данном случае или Сашины, но...

Ихан усмехнулся, не окончив фразы, и резко отвернул Иру от зеркала.

- Ирина Борисовна, сегодня у меня будет для Вас чрезвычайно сложное задание. В Ваших интересах выполнить его в точности.

Вам нужно будет невзирая ни на какие обстоятельства и правила этикета посмотреть на себя в зеркало, как только Вы услышите особое слово.

Вы сами его ни в коем случае не должны произносить. Мало того, если это слово прозвучит из искусственного источника — допустим по радио или телевизору, или по телефону — это тоже не в счёт. Необязательно, чтобы это слово сказал Ваш собеседник, но человек, с уст которого оно сорвётся, должен реально присутствовать в пределах слышимости.

Если Вы не увидите, кто его произнёс, и у Вас возникнут сомнения — а вдруг оно прозвучало из искусственного источника — обязательно удостоверьтесь, что сказал его реально присутствующий в пределах слышимости человек, прежде чем посмотреть на себя в зеркало.

Кстати, избегайте случайных взглядов в зеркало и ни в коем случае не наталкивайте собеседника и окружающих, если таковые будут, на произнесение этого слова, даже если у Вас возникнет отчаянное желание так сделать.

Итак, слово, которое Вам непременно нужно услышать, прежде чем посмотреть на себя в зеркало: саммит.

- Че-го? — у Иры аж дыхание перехватило от неожиданности и абсурдности.

- Саммит, — спокойно повторил Ихан. — Я понимаю, что моя сегодняшняя рекомендация звучит экстравагантно, но... Ирина Борисовна, Вы всегда доверяли мне. Вам хоть раз пришлось пожалеть об этом?

- Нет, Ихан.

- Вот видите? Так что, очень Вас прошу, пожалуйста, в точности последуйте моему совету, каким бы нелепым он Вам ни казался.

- Хорошо, Ихан.

- В таком случае, можете идти.

- Спасибо, Ихан. До свидания!

- До свидания, Ирина Борисовна. Не забудьте: САММИТ.

По пути на набережную реки Сочи, мозги Иры оккупировали попытки представить себе, в каком русле должно протекать их с Оксаной общение, чтобы та без усилий с Ириной стороны сказала бы «саммит».

Воображение оказалось бессильно. Единственное, в чём оно преуспело, так это в создании идиотской картинки, как, заинтересовавшись шумом в давно пустующей квартире, туда заглядывает Вадик и говорит: «О! Иришка, привет! Саммит!».

Ира невольно захихикала, выходя через проход.

Оксана шла ей навстречу.

- Ирина Борисовна, что случилось? — с улыбкой спросила она продолжающую хихикать Иру.

- Да так. Как говорится, смешинка в рот попала.

- Ирина Борисовна, Саша мне сказал, что после того, как я ушла в понедельник, Вы проанализировали наши наработки по игре. Однако он не пересказал мне, что Вы говорили. Если честно, я сама не в диком восторге от того, что получилось сделать. Но всё же, расскажите, что с Вашей точки зрения не так?

- Всё!

Ира взяла Оксану за руку, снова нырнула в проход и вышла из-за гаража неподалёку от своего бывшего дома.

Между ними завязалось оживлённое обсуждение успехов и неудач игровой деятельности, начиная с игр, которые делали Миха и Руслан ещё до того, как попали в «Стиль-Код».

За разговором Ира и Оксана добрались до квартиры, переоблачились в обмундирование, соответствующее предстоящей ликвидации многомесячного слоя пыли и устроили предтрудо-вое чаепитие с бутербродами.

По ходу Ира обнаружила, что внимательное вслушивание в речь Оксаны с целью выловить слово «саммит» превратилось у неё в навязчивую идею, поглотившую сознание. Лишь на самом его краешке, слабыми отсветами периодически поблёскивала цель сегодняшнего мероприятия.

Когда они поднялись из-за стола и, вооружившись тряпками, ринулись в бой за чистоту, с этого краешка сознания прилетела мысль:

«Если я собираюсь это сделать, нужно взять и сделать это».

Тем временем, Оксана задала какой-то вопрос, но Ира лишь констатировала, что слово «саммит» в нём отсутствует.

- Оксана, как ты уже знаешь, я хочу поставить перед тобой кое-какую задачу. Чтобы сделать это, мне нужно твоё абсолютное доверие. Доверие, выраженное не просто формально в словах, а доверие, как энергетический фактор.

Ключ от обычной двери ты дашь только тому, кому полностью доверяешь. Ключ от двери к ЗНАНИЮ, ты возьмёшь только у того, кому полностью доверяешь.

Понимаешь, о чём я?

- Думаю, что да.

- В данном случае, доверие — это ключевая сила, а потому подход к ней требует особой щепетильности. Оксана, я знаю, я чувствую, что с твоей стороны в отношении меня есть то доверие, о котором я говорю. Однако я не могу им пользоваться так, как мне нужно. Видишь ли, есть кое-что, что делает моё использование твоего доверия незаконным. Мне жизненно необходимо ликвидировать препятствие, из-за которого я не имею полного права пользоваться твоим доверием. Оксана...

Ира заранее придумала несколько формулировок фразы, способной разрушить либо стену на пути доверия, либо отношения Оксаны и Александра, но все заготовки стёрлись из сознания. Она судорожно пыталась заново подобрать слова, но в мозгу звучало только одно: «саммит, саммит, саммит».

- У Вас что-то было с Сашей? — тихо спросила Оксана, через вечность тишины.

- Да, — столь же тихо ответила Ира. — Он знает, о чём мы сейчас говорим, потому что в понедельник я попросила у него разрешения на этот разговор и получила его.

- Ну-у-у, — неуверенно протянула Оксана. — Зная Сашу, я никогда не тешила себя иллюзией, что он будет хранить верность.

- Оксана, я уверена, что Саша ни разу не изменил тебе. А то, что произошло между нами... Да. Формально это называется изменой, но...

Поверь, Саша не изменял тебе, хотя и делал со мной в точности то, что называется изменой. Он делал это для меня, но ни по одной из тех причин и поводов, по которым это обычно делается. Тогда Саша очень помог мне, и я ему очень благодарна за эту помощь.

Оксана, для меня важно, чтобы ты в точности знала, что именно тогда произошло. Мне важно это не в качестве оправдания того, что сделала я, и сделал Саша. Мне важно твоё полное понимание без вмешательства морально-нравственных интерпретаций и оценок.

Если не возражаешь, давай продолжим, — Ира кивнула на тряпку в своей руке. — Мне так проще будет говорить.

- Да. Конечно, — ответила Оксана.

Они возобновили ликвидацию пыли с книжного шкафа.

- Всё началось четыре с половиной года назад зимой. Мне приснился странный сон. Я никогда не относилась к любителям толкования сновидений, но на этот сон невозможно было не обратить внимания.

Во-первых, он ощущался столь же реально, как и привычная повседневная реальность, и эти ощущения не исчезли после пробуждения.

Во-вторых, я могла воспроизводить его в своём воображении во время бодрствования. Притом повторные просмотры практически не зависели от моей воли.

Как повторные просмотры видео, когда переносишь внимание на детали, которые прежде ускользнули, и изучаешь их в подробностях, останавливая на любом месте, возвращаясь к началу, проматывая вперёд, воспроизводя с разной скоростью, увеличивая какие-нибудь объекты или переходя на общий план и тому подобное. И всё это без изменения самих событий.

В этот же день или на следующий, я зашла в офис к одному из моих друзей. Вместе с ним там был его партнёр по бизнесу. Мой друг познакомил нас, отметив, что зашла я вовремя, поскольку у его партнёра есть для меня заказ. Мы обговорили детали заказа, и он ушёл.

Во всё время разговора меня не покидало ощущение, что я где-то видела этого человека, но я не могла вспомнить где. Я поняла, где, когда в очередной раз прокручивала свой сон.

Он был в этом сне.

Я себе это не нафантазировала. Он правда был там. Я даже внимание на него обратила сразу же, когда мне этот сон снился.

Этот человек — это Радный Станислав Андреевич.

Во время нашей первой встречи он собирался заказать мне разработку рекламной продукции для продвижения на сочинском рынке мебели, которую выпускала его фабрика. Я же предложила ему сделать для Сочи особую линию мебели и себя в качестве разработчика этой линии. С того дня началось наше сотрудничество.

Три с лишним года я не могла понять своего отношения к нему. Я его панически боялась. Точнее, я панически боялась тех чувств, которые к нему испытывала.

Я не могла понять, что это за чувства, потому что, с одной стороны, они были слишком сильными, для того чтобы быть приятными, а с другой стороны, они были ни на что не похожи.

Что это такое, понял Саша.

Если помнишь, когда в прошлом году отмечали Восьмое Марта, Саша окликнул меня, я села к вам за столик, и речь коснулась Станислава Андреевича и моих с ним взаимоотношений. После этого Саша придумал эти чаепития на ковре, которые превратились в традицию.

До этих чаепитий я общалась со Станиславом Андреевичем только в случаях крайней необходимости.

Впрочем, настойчивость Саши по поводу ковровых чаепитий тоже имела черты неизбежности, однако благодаря этим ежедневным чаепитиям я постепенно привыкла к присутствию Станислава Андреевича рядом, и острота чувств за пределом болевого порога несколько притупилась. А потом...

Это случилось прошлым летом на следующий день после окончания семинара.

Если помнишь, тогда Миша нашёл Максима и показывал его работы. В тот момент мною овладело какое-то особое состояние и на волне этого состояния...

Вечером мы с Мишей задержались на работе. Алла тоже тогда задержалась, и когда мы закончили, то спустились к ней на третий этаж. В коридоре стоял Станислав Андреевич, разговаривая с каким-то посетителем. Он окликнул меня и попросил подождать минут пять, сказав, что отвезёт домой.

Сама понимаешь, что мне добраться домой гораздо проще через проход. Он, само собой, тоже прекрасно это знал. Безусловно, я могла отказаться, но я не смогла.

Стас привёз меня к себе, и мы долго с ним беседовали.

Единственное чувство, которое мною владело в тот момент, это непреодолимое желание сбежать. Стас сказал мне в самом начале разговора, что если я хочу, я могу уйти. Я этого хотела безумно, но я не двинулась с места.

Когда разговор закончился, желание уйти пересилило всё, и я пошла к проходу. Я раздвинула щель и долго смотрела на залитый солнцем склон с редкими деревьями.

Я не смогла уйти.

А дальше...

На самом деле, это смешно.

Представь, взрослые мужчина и женщина ложатся в одну кровать, но по разные её стороны на самый-самый краешек с риском свалиться на пол.

Что было ночью, я плохо помню, потому что я боялась полностью проснуться. А утром...

Утром мы лежали, обнявшись, притворяясь спящими. Кому притворялись, непонятно, потому что я, притворяясь спящей, знала, что Стас знает об этом и тоже лишь притворяется спящим, зная, что я знаю об этом.

Тогда я впервые в этой жизни испытала особое состояние. Состояние Абсолюта. Состояние полной гармонии.

Я не знаю, как это описать иначе.

Состояние, в котором есть всё, что тебе нужно, и нет ничего, что тебе ненужно. Есть всё, что ты хочешь, и нет ничего, чего ты не хочешь.

Единственное, чего хотелось ещё, это чтобы исчезло время.

Естественно, оно не исчезло.

Оксана, я тогда не понимала, что со мной произошло.

Само собой, мне не пятнадцать лет, и я не раз в своей жизни влюблялась. Я великолепно знаю все оттенки ощущений влюблённости.

Ничего этого не было. Было что-то совершенно непохожее ни на что, пережитое ранее.

В тот день, когда мы шли на обед, спускаясь по лестнице, я услышала голос Стаса и что есть мочи рванула обратно. Я панически боялась увидеть его.

Не знаю, боялся ли он, но как-то сама собой выработалась тактика поведения. Как только он или я оказывались там, где мы могли потенциально столкнуться, то немедленно повышали голос, дабы ни в коем случае не попасть друг другу на глаза.

То, что мы избегаем друг друга, заметил Саша. Притом заметил сразу же. Все остальные...

Знаешь, Евгений Вениаминович, Геннадий Васильевич и сеньора Бональде — мои очень давние и очень хорошие друзья. Они для меня даже больше чем друзья, но я не могла и не хотела делиться ни с кем из них тем, что со мной творится.

Я бы не стала этим делиться и с Сашей, но он сам вытащил меня на разговор. Мало того, он и без разговоров лучше меня понял, что со мной происходит.

Это случилось в субботу, когда я передавала Саше административную часть.

Убедив меня, что я сильно не права, не веря в его компетентность, Саша перевёл разговор в то русло, которое тогда заботило меня более всего, и которого я более всего боялась и избегала даже думать на эту тему.

Саша рассказывал о том, что сам испытывал, когда ваши отношения только начинались, сравнивая это со своим богатым опытом амурных приключений.

Не знаю, богаче или беднее мой опыт амурных приключений, но он тоже довольно внушительный.

И тут нет никаких сомнений, что ЭТО — это нечто абсолютно другое, ничем и близко не напоминающее амурные приключения. Это разница между параллелепипедом и нотой соль второй октавы, между оттенками зелёного и си минором, между тем, что в море вода солёная, а утюг работает от электричества.

То есть, разница между ощущениями влюблённости и тем, что испытывала я, это разница между вещами несравнимыми. Мне же, чтобы понять, нужно было, образно говоря, сравнить солёную морскую воду не с утюгом, который работает от электричества, а с пресной речной водой.

Всего этого в тот момент я не понимала сознанием.

С тех пор между мною и Сашей существует что-то вроде полушуточного спора: кто стал инициатором. Я считаю, что я, поскольку предложение сорвалось с моих уст. Саше же уверен, что мне бы в жизни такое в голову не пришло, если бы он не подвёл меня к этому.

В общем-то, правда подвёл.

Если в тяжёлый для тебя период рядом оказывается человек противоположного пола, который понимает тебя лучше, чем ты сама себя понимаешь, и помогает справиться — притом во всём сразу — всё это создаёт к тому человеку отношение, где разница полов имеет существенное значение.

Моё предложение по форме и содержанию не отличалось от обычной пикантной шутки, которые по двадцать восемь раз на дню звучат, когда мы все вместе работаем в общем кабинете.

Только после я осознала, что не шутила в тот момент.

Саша же, несмотря на то, что в тот момент наш разговор перешёл в шутливое русло, сразу отказался воспринимать это шуткой.

Он спросил меня: «Хотите почувствовать разницу?»

Я ответила: «Да».

Саша сказал, что тоже хочет почувствовать эту разницу. Разницу не между чистотой и грязью, а между тем, что так сильно похоже, что столь же чисто, столь же трепетно, столь же трогательно, столь же возвышено, столь же бесценно.

Когда мы разговаривали в понедельник, Саша особо отметил, что никогда не скрывал от тебя своего отношения ко мне. А тогда он сказал:

«Не будь у меня того, что есть у меня, а у Вас того, что есть у Вас, мы бы с Вами легко могли бы решить, что то, что есть между нами, это и есть то самое».

Секс — главное единое средство выражения всего многообразия разновидностей и оттенков взаимоотношений, которое называют одним единственным словом «любовь».

Да, это единое средство выражения имеет массу вариантов, но все виды разницы, с которыми я сталкивалась в своей жизни до этого, касались оттенков собственного отношения к партнёру, оттенков его отношения к тебе, текущего эмоционального и физического состояния. А самое главное, искущённости партнёра в технике исполнения.

То, что продемонстрировал Саша в технике исполнения, это — высшая степень совершенства и безупречности.

Оксана, Саша — ошеломительный любовник, но...

Когда я ему сказала то, что сейчас сказала тебе, он ответил, что очень старался, дабы я почувствовала разницу, и спросил:

«Признайтесь честно, разве я смог дать Вам то, что Вы получили от него?»

Я призналась честно, и в первую очередь, себе: «Нет».

Саша продолжил: «Как и Вы мне. Что бы Вы ни делали, Вы никогда не дадите мне то, что мне даёт Оксана, что Вы дали ему. Что бы я ни делал, я никогда не дам Вам того, что дал Вам он, что я даю Оксане. Не потому что Вы и я не хотим давать этого друг другу. Это просто невозможно».

«Что это?» — спросила я.

Саша ответил: «Не знаю. Это — нечто за пределами физиологии».

Больше месяца прошло, прежде чем я и Станислав Андреевич оказались вместе. Этот месяц с хвостиком дался мне нелегко.

Чисто внешне после той субботы ничего не изменилось. Я так и продолжала избегать встреч, но я, наконец-то, перестала искать для себя объяснения своих неординарных ощущений в отношении Стаса где угодно, но только не там, где они находятся.

Туда я, правда, тоже не заглядывала. Однако, когда пришло время, я была готова. У меня хватило сил переступить через человеческое, для которого то, что за пределами физиологии, слишком грандиозно, для того чтобы принять.

Оксана, да, то, что произошло между мною и Сашей, с точки зрения человеческой морали и нравственности просто отвратительно, но я ни разу не пожалела об этом. И я очень благодарна Саше за то, что он сумел мне показать. Впрочем, не только мне. Себе тоже.

Благодаря тому, что произошло между нами, он до конца понял, что ты для него значишь. И не в сравнении с армией секспартнёров, которые у него были до тебя, а в сравнении... — Ира остановилась, подбирая слова.

- В сравнении с тем, что он ценит столь же высоко, — закончила предложение Оксана. — Я знаю об этом. Я это почувствовала. Ирина Борисовна, а когда Вы познакомились с Сашей?

- Четыре года назад. Летом. Stanislaw Андреевич купил себе недостроенный дом и попросил меня привести его в жилое состояние. Он предложил мне взять Сашу в качестве помощника, который будет решать организационные вопросы.

В то время Саша только пришёл к нему работать, и сам Stanislaw Андреевич Сашу ещё не видел.

Тогда офис располагался в Парк Отеле. Там мы с Сашей и встретились.

Саша вёл себя так, что меня затошнило от него в первую же минуту разговора. В общем, я отказалась с ним работать и взяла Влада. Владислава Валерьевича.

Наше знакомство возобновилось два года назад в том же самом Парк Отеле. Правда, видела я его там всего раза три-четыре. В один из них сеньюра Бональде довольно жёстко подшутила над ним, и Саша сам стал избегать попадаться нам на глаза.

Когда же офис переехал в домик с дыркой, я вообще перестала с ним сталкиваться. После переезда, я впервые увидела его на похоронах Руслана.

Оксана, мне бы никогда в голову не пришло работать с Сашей, учитывая то впечатление, которое он усиленно производил. Да мне и не пришло.

Оксана, я уверена, ты сразу догадалась, что Руслан и Максим — это два разных воплощения одной личности.

- Так это правда? Так это возможно?

- Да. Это возможно. Да. Это так. Как-то раз, когда шла подготовка домика с дыркой к переезду, я, Руслан и сеньюра Бональде отправились туда. Это произошло в то время, в которое мы обычно не выходили из своего кабинета, и Саша не ожидал нашего появления. Он оскорбил Руслана, не заметив сеньюру Бональде и меня.

Сеньюра Бональде собиралась ответить на это, но Руслан остановил её, а когда мы вышли за пределы офиса, сказал, что Саша, на самом деле, классный парень. В тот момент, его заявление выглядело для меня абсурдным. А потом, через месяц после гибели Руслана я получила от него письмо.

- В смысле?

- Ничего сверхъестественного. Руслан написал это письмо для меня при жизни, поставил время отправки через месяц и каждый день передвигал дату на день вперёд. Само собой, когда он погиб, дата перестала смещаться, и через месяц я это письмо получила.

Так вот, в этом письме... Сейчас, подожди, я тебе зачитаю. — Ира достала мобильник, нашла письмо Руслана и открыла «прикреп. файл». — Вот. Слушай.

«... Классный он парень, Александр. ... не просто так Стандрейч как-то предлагал тебе взять его в качестве помощника. ... Тогда ты просто не была к этому готова. Сейчас же ты к этому готова или почти готова. Так что прошу тебя, выбери момент и заведи к себе Александра.

... На самом деле, у него колоссальный потенциал. ... Короче говоря, заведи его к себе и всё. Не прямо завтра, разумеется, а как почувствуешь нужный момент».

Вот это, Оксана, единственная причина, по которой я стала работать с Сашей. И начало этой работы было отмечено нулевым энтузиазмом, который в течение довольно продолжительного периода уверенно двигался в минуса.

Перелом наметился незадолго до того, как вы начали жить вместе. Ну а когда начали, Саша стал производить совершенно иное впечатление.

- Ирина Борисовна, Вы сейчас рассказывали, что когда впервые встретились со Станиславом Андреевичем, у Вас возникло ощущение, что Вы его откуда-то знаете, а потом вспомнили, что прежде чем встретить, видели его во сне.

Перед тем как я впервые увидела Сашу, мне подобных снов не снилось, но ощущение, что я его откуда-то знаю, возникло. Притом, это было ощущение, что знаю я его очень хорошо.

Как только начались наши отношения, я поделилась этим с Сашей. У него подобного ощущения не было. Однако мы тщательно вспомнили, где проходила его и моя жизнь, начиная с раннего детства.

Вплоть до того как я переехала в Сочи, мы вообще постоянно находились в разных городах. За весь же период, что я провела в Сочи, даже вероятность случайной встречи в городе практически равна нулю, потому что мы, что называется, ходили по разным улицам.

Даже, когда я пришла к Вам работать, я его увидела здесь далеко не в первый же день.

- Оксана, а когда ты здесь впервые увидела Сашу?

- В тот самый день, когда Вы вместе с Сашей сидели у меня в кабинете, а мы с Мишей приводили в порядок Сашин компьютер.

Тогда, попросив Мишу помочь мне, я отправилась ему навстречу и помешала вашему разговору. Прошу прощения, но я, что называется, была не в себе, после того, как увидела Сашу.

Дело в том, что прежде чем я его увидела, с первого же дня, я постоянно слышала о нём. Саша — любимая тема сплетен на втором этаже, а потому первый же разговор, которому я стала невольным свидетелем, был о нём.

Разумеется, я не могла знать, о ком идёт речь, но ощущение было такое, будто я точно знаю о ком. Притом этот кто-то имеет для меня какое-то особое значение. У меня даже сердце в глотке забило от волнения. И так происходило каждый раз, когда в моём присутствии речь заходила о Саше.

Понимаете, я его как бы узнала, ещё до того, как увидела. Ну а когда увидела...

О том, что у Саши вышел из строя компьютер, мне сообщила его соседка по кабинету. Она назвала лишь номер кабинета, в который нужно подойти, не сказав, у кого неладит с компом, но я сразу поняла, у кого, хотя не знала, в каком кабинете Саша работает. Ну а когда зашла, я сразу же его узнала.

Саша не обратил на меня внимания. Он как раз развлекал своих соседей по кабинету анекдотами. Он даже не обернулся, когда я спросила, этот ли компьютер вышел из строя. Лишь кивнул: «Да», — и продолжил рассказывать анекдоты.

Компьютер не подавал признаков жизни, и я сказала, что мне придётся забрать его в мастерскую.

Саша, снова не глядя на меня, ответил: «Валяй, только недолго там!».

Я взяла системник и направилась к двери. Когда я её открывала, Саша, наконец-то, посмотрел на меня. Я это спиной почувствовала.

Он посмотрел на меня и спросил: «О! А это что у нас за чудо природы такое?»

Его вопрос вызвал взрыв хохота. Что происходило дальше в том кабинете, я уже не слышала. Ну а что было потом, Вы знаете.

- Оксана, что ты чувствовала?

- Тогда? Непреодолимое желание вспомнить, откуда я могу знать этого человека. Больше ничего.

Ирина Борисовна, когда после нашей первой ночи с Сашей Лена открывала мне глаза, с кем я, неразумная, связалась, я ей сказала в точности то, что думала по этому поводу, а потом всё то же самое повторила Саше.

Когда же я поняла, что он действительно любит меня, я... Я была в шоке. Я была в ужасе. Всё не так просто, Ирина Борисовна.

- В смысле?

- Ирина Борисовна, я не хочу, чтобы Саша знал об этом.

- Так может, тогда и мне лучше об этом не знать?

- Ирина Борисовна, если речь идёт о полном доверии, я думаю, Вам нужно знать. За год до переезда в Сочи я абсолютно осознанно и намеренно порвала отношения с человеком, которого безумно любила... Которого до сих пор безумно люблю.

Эта сказочно-сериальная история началась ещё до моего рождения.

Моя мать в ранней юности встречалась с женатым мужчиной. Однажды его жена выследила их, но вместо того чтобы устраивать скандал на месте, пришла к родителям моей матери.

Родители её — мои бабушка и дедушка — пришли в ужас, взяли дочь в охапку и переехали в другой город. Вскоре выяснилось, что моя мать беременна, и делать аборт поздно.

Таким образом, я появилась на свет. Когда мне было полгода, моя мать сбежала.

Дело в том, что мой отец развёлся со своей первой женой и каким-то образом сообщил об этом моей матери. Я не знаю всех подробностей, как это произошло. Также я понятия не имею, знал ли он о моём существовании.

От меня не скрывали, кто мои родители, но большую часть того, что я о них знаю, мне удалось выловить из разговоров взрослых, не предназначенных для детских ушей.

Судя по этим разговорам, взрослые знали о дальнейшей судьбе моих родителей не много. Короче, я не в курсе, почему мой отец и мать ни разу не поинтересовались моим житием-бытием, а я сама видела их только на фотографиях.

- Оксана, получается, тебя растили бабушка и дедушка?

- Сложно сказать, кто меня растил. У дедушки было несколько братьев и сестёр и у бабушки — тоже. У всех у них было по несколько детей — моих тётей и дядей. В общем, большая дружная семья, рассыпанная чуть ли ни по всем городам Челябинской области. И почти в каждом из этих городов прошёл кусочек моего детства.

Так вот, однажды я поехала на день рождения к своей институтской подруге в Копейск. Там я познакомилась с человеком, в которого влюбилась с первого взгляда и сразу до безумия.

День рождения отмечали в ресторане. Этот парень был не из нашей компании. Он пригласил меня на танец под конец наших посиделок.

Когда музыка отзвучала, я обнаружила, что никого из отмечавших день рождения в зале нет. Я была так рада, что меня тут забыли, а самое главное, что никто внимания не обратил, с кем я танцевала. Тот танец решил мою судьбу, и я не хотела, чтобы хоть кто-то знал, как именно.

Памятуя историю своей матери, которую мне рассказывали в качестве нравоучения, я приложила все силы, чтобы ни одна живая душа не узнала о наших отношениях. Хотя мой любимый человек не был женат, и даже был моложе меня на два года.

Я ездила к нему при каждой возможности, но не позволяла приезжать ко мне. Он подтрунивал над моим требованием секретности, однако следовал ему. Но однажды — это было в понедельник — он позвонил мне и сказал:

«Оксана, извини, но мама меня раскусила. Давай ты всё же познакомишься с моими родителями».

Дело уверенно шло к свадьбе, и я согласилась.

Знакомство назначили на субботу, а в среду его родители погибли в автокатастрофе. И вместо знакомства, в субботу состоялись похороны.

После поминок он попросил меня пойти с ним к нему домой. Конечно же, я пошла. Мы долго сидели молча на диване в гостиной, а потом он достал альбом с фотографиями.

Его родителей хоронили в закрытых гробах, но, естественно, их фотографии на похоронах я видела. Однако люди меняются с возрастом.

В общем, в этом фотоальбоме была фотография его мамы в юности, знакомая мне с раннего детства.

Оказалось, что в тот день я присутствовала на похоронах и своих родителей тоже. Оказалось, что мы с ним — родные брат и сестра.

Я не смогла ему сказать об этом. Я просто встала и ушла, и больше не вернулась.

Скорее всего, он искал меня. Но искать он мог меня в Миассе, где тогда находилось моё очередное пристанище. Однако буквально накануне в результате длительных и сложных родственных переделов недвижимости и обменов мне досталась квартира в Челябинске.

Я собиралась сказать ему об этом, когда он звонил мне в понедельник, но он начал разговор с предстоящего знакомства с родителями, и я решила сообщить радостную новость во время этого события.

Ирина Борисовна, я до сих пор люблю его и вовсе не как брата.

Когда я увидела, что я для Саши не причудливая игрушка дня на два-три, максимум на неделю, я пришла в ужас. Пришла в ужас от того, что не смогу ответить ему так, как он того заслуживает.

Ирина Борисовна, Вы прекрасно знаете, что Саша на втором этаже — это один человек, а Саша на четвёртом этаже — это абсолютно другой человек.

Так вот, когда мы с ним наедине, он — третий человек, и такой... — Оксана всхлипнула и у неё из глаз потекли слёзы. — Вы не представляете, как мне с ним хорошо, но... Я не чувствую к нему того, что так и продолжаю чувствовать к своему родному брату.

Ирина Борисовна, я представляю себе, какое впечатление на меня должно было бы произвести Ваше признание, но...

Если называть вещи своими именами, мне всё равно. Понимаете? Меня это никак не тронуло. Понимаете?

- Оксана, когда мы только начинали жить со Станиславом Андреевичем, он как-то раз завёл разговор о том, что произошло между мною и Сашей. Он знал об этом, хотя ему никто об этом не сообщал. У него собственные способы получения информации.

Он завёл этот разговор с той же целью, с которой сегодня я завела его с тобой: убрать стену, препятствующую полному доверию. Но эта цель была не единственная.

Сообщив, о своей осведомлённости по поводу меня и Саши, Стас сказал, что в то время как я за прошедший месяц с хвостиком один раз побывала в объятиях Саши, он затрудняется назвать точное количество объятий, в которых за это время побывал сам. Мало того, для пущего эффекта, Стас назвал конкретную женщину из этого списка, с которой я знакома, и спросил, что я чувствую по этому поводу.

Знаешь, что я чувствовала по этому поводу?

Ни-че-го!

Но я на этом не остановилась. На следующий день, я встретилась с этой женщиной, и пока мы с ней болтали за чашечкой кофе, я усилено представляла её со Стасом в постели.

Представить у меня получилось очень ярко. Как ты думаешь, что я чувствовала при этом?

Ни-че-го!

Хотя нет. Не верно. Я всё же кое-что чувствовала. Усталость от совмещения деятельности воображения со стремлением не терять нить разговора.

Оксана, я, как и ты, прекрасно знала, что должна бы чувствовать, но я этого не чувствовала.

Оксана, в пятнадцать лет я до беспамятства влюбилась в человека, который впоследствии стал моим мужем и отцом Лёши. Потом я влюблялась с разной степенью помутнения рассудка ещё несколько раз. В последний раз это произошло три с половиной года назад.

Так вот, я никогда ничего подобного не испытывала к Станиславу Андреевичу. А потому я не понимала, что это такое то, что между нами.

Оксана, это нечто настолько другое, что оно и отдалённо не напоминает обычную человеческую влюблённость.

- Вот именно! У Вас есть нечто другое, а у меня к Саше нет ни влюблённости и ничего другого.

Я очень ценю его как друга. Такого друга, которого у меня никогда не было.

В постели Саша дарит мне такие фантастические ощущения, о существовании которых я никогда не подозревала.

Я испытываю к Саше глубокое чувство благодарности за то, что он превратил мою жизнь в самый настоящий рай.

Но это — всё!

А Саша заслуживает гораздо большего. Но я не могу дать ему это, даже несмотря на то, что мне очень хочется это сделать. Понимаете?

И я не могу избавиться от небратских чувств к своему брату, хотя я очень хочу от них избавиться.

- Оксана, напомним, Саша сам сказал мне: «Что бы Вы ни делали, Вы никогда не дадите мне то, что мне даёт Оксана, что Вы дали ему. Что бы я ни делал, я никогда не дам Вам то, что дал Вам он, что я даю Оксане».

- Я всего лишь делаю для Саши лучшее, на что способна. Но я способна...

- Оксана, — перебила Ира. — Когда Саша был со мной, он тоже делал лучшее, на что способен, однако... Оксана, ты сама назвала свою историю сказочно-сериальной.

Сказки и сериалы построены на штампах, на энергетически мощных мотивах орнаментов. В этом причина их столь сильного и однозначного воздействия на людей, даже тогда, когда люди оказываются лишь зрителями.

Когда же мотив такого орнамента вплетается в их собственную жизнь... В этом случае, мощность воздействия возрастает в несколько раз. Может быть, даже в несколько десятков раз, а может быть, даже и сотен, и даже тысяч.

То, что люди называют любовью, Максим назвал каруселькой, смастерённой по мотивам крайне редкого явления.

Я же однажды сформулировала это несколько по-другому:

То, что люди называют любовью — это результат глобальной PR-акции, которая ведётся тысячелетия напролёт и в случае с каждым конкретным человеком включается с раннего детства. Сказки. Большинство из них о любви. Потом романы, фильмы, сериалы.

Человека с раннего детства ПРОГРАММИРУЮТ на особое отношение к инстинкту размножения и на особое использование этого инстинкта.

Мне, можно сказать, повезло. Мой брак закончился до такой степени плачевно, что это отбило охоту повторять пережитое. Тем не менее, установленная программа продолжала функционировать, ужасно мешая мне по жизни. Так я её обнаружила и выяснила, как она работает.

Если хочешь, я тебе в подробностях расскажу как, единственное, давай сделаем это в другой раз. Просто, если я буду рассказывать тебе это сейчас, у нас не останется времени на то, что мне бы хотелось сегодня сделать.

Так вот, я обнаружила эту программу, поняла, как она работает, и мне удалось избавиться от неё. Удалось мне это ещё до того, как я познакомилась со Станиславом Андреевичем.

Я тебе говорила, что познакомилась я с ним четыре с половиной года назад, а моя последняя влюблённость накрыла меня три с половиной года назад. Казалось бы, что программа так и продолжала работать. Но это не так. Я отнеслась, к тому, что со мной произошло, в корне не так, как предусмотрено программой. И вышло из этого то, что не предусмотрено программой.

В твоём случае, Оксана, эта программа не просто работает.

Во всех мифологиях мира есть сюжет о родных брате и сестре, которые, не зная о том, что они родные брат и сестра, влюбляются друг в друга.

Так вот, в твоём случае, Оксана, эта программа не просто работает, а работает на основе мощного мотива орнамента. И его мощность заслоняет от тебя сокровище, которое ты имеешь.

Будь уверена, ты имеешь его! Почему я в этом так уверена?

Я увидела Станислава Андреевича во сне до того, как встретила с ним в реальной жизни. Ты же сама мне только что рассказывала, что узнала Сашу ещё до того, как встретила с ним.

Почему так произошло, я не могу тебе сказать, но зато я знаю, что это значит. Это значит то сокровище, которое ты имеешь, но не в состоянии разглядеть из-за мощного воздействия программы, работающей на основе одного из самых мощных мотивов орнамента.

Оксана, позволь мне рассказать твою историю Станиславу Андреевичу. Я думаю, он сможет тебе помочь. Я не знаю как, но думаю, что сможет.

- Хорошо. — Оксана кивнула. — Ирина Борисовна, что Вы собирались поручить мне?

- Для этого нам понадобятся Зив и Лоренц, — ответила Ира, взяла мобильник и написала им сообщение.

К этому моменту квартира пребывала в состоянии близком к стерильности, а Ира и Оксана разговаривали, сидя на диване в комнате. В ожидании Зива и Лоренца, они переместились на кухню.

- Оксана, если честно, у меня нет для тебя никаких чётких инструкций. Так что, мы сейчас просто поговорим, а что делать, тебе придётся придумывать самой.

Видишь ли, ещё два года назад Станислав Андреевич посоветовал мне освежить в памяти школьный курс физики, и я даже обзавелась комплектом школьных учебников. Я даже пробовала их штудировать, но попытки прекратились, едва начавшись.

Советуя мне освежить школьный курс физики, Станислав Андреевич отметил, что законы сверхъестественного мало чем отличаются от открытых физиками законов естественного.

Я сама, смутно вспоминая то, чему учили в школе, и сопоставляя это со своими ощущениями, подозреваю, что всё это из области волновых явлений.

Твоё же знание физики, Оксана, выходит далеко за рамки школьной программы, а потому...

Иру прервало «Гав-гав» за входной дверью, прозвучавшее для неё как «Мы тут».

Скрытая цель флоры и фауны

- Зив, Лоренц, — обратилась к ним Ира, — одна из скрытых целей многообразных видов земной флоры и фауны в отношении человечества — это сохранение возможности взаимодействия личностей без посредничества внешнего мира. Так?

- Да, — мяукнул Лоренц.

- Что это значит? — спросила Оксана.

- Оксана, ты — редкий человек, пользующийся этой возможностью, — проурчал Зив. — Благодаря ей ты понимаешь нас, хотя не способна воспринимать наши сигналы в виде человеческой речи, как это умеет Ирина Борисовна и... Не буду перечислять всех. Сама знаешь.

Ты нас понимаешь даже лучше, чем они, потому что человеческая речь не в состоянии выразить многого из того, что доступно для передачи без посредничества внешнего мира.

Всё это я сейчас преобразую в символы человеческой речи не для тебя, а для Ирины Борисовны, потому что, в отличие от неё, ты, едва задав вопрос, уже поняла гораздо больше, чем можно сказать словами.

Признайся, когда ты передаёшь Мише то, что мы говорим ему, у тебя возникают трудности из-за того, что тебе сложно подобрать слова для всей информации, которую ты получаешь от нас. Верно?

- Да. — Оксана кивнула. — Ирина Борисовна, можете мне пересказать, что сейчас сказал Зив. Я хочу сравнить.

Ира пересказала. Зив продолжил:

- Потом мы объясним тебе всё, а сейчас давайте-ка послушаем Ирину Борисовну. Нам самим интересно, как у неё получилось преобразовать в слова то, что проблематично выразить в символах человеческой речи.

- Если и получилось, то не у меня, а у Стаса. Ну а поняла я это благодаря тому, что объяснения получила после, так сказать, практического занятия. У тебя, Оксана, нет необходимости в подобных практических занятиях, поскольку, у тебя и так всё в порядке. Даже более того.

Видишь ли, для меня те практические занятия открыли кое-что и позволили понять, но, несмотря на это, я не в состоянии этим пользоваться. Ты же, Оксана, пользуешься этим вовсю. Кстати, мне интересно, как это у тебя получилось?

- Ирина Борисовна, прошу прощения, но я пока не понимаю, что именно.

- Извини. На самом деле, Оксана, ты понимаешь. Просто не можешь сформулировать. Ты не можешь этого сделать, потому что то, что ты понимаешь, лежит за гранью человеческого понимания.

А находится это за гранью человеческого понимания, потому что в словах это звучит, как само собой разумеющееся.

Невозможно убедить человека в том, в чём он и так уверен.

Дело в том, что уверен в этом человек очень и очень по-своему. Человек безоговорочно доверяет доступным сознанию способам восприятия, а все эти способы настроены только на восприятие внешнего мира.

Мы много говорили о том, что есть мир внешний и есть мир внутренний, но всё, что мы об этом говорили, касалось собственного внутреннего мира.

Само собой разумеющееся, что другой человек, или животное, или растение — это другой внутренний мир. Но человек — обычный человек — воспринимает любого другого человека, животное или растение, как объект внешнего мира, а не как другой внутренний мир.

А вот животные и растения воспринимают другой внутренний мир, именно как другой внутренний мир, а не как элемент внешнего мира.

- Я поняла, о чём Вы. Видимо, мне невероятно повезло, хотя до сего момента я не считала это везением.

Когда я была ребёнком, в чьей бы семье я ни жила, обо мне все и всегда очень хорошо заботились. Меня очень хорошо кормили, меня очень хорошо одевали, внимательно следили, чтобы я хорошо училась в школе и тому подобное. Однако при этом меня никогда не любили и не позволяли полюбить себя.

Нет, не так.

Ко мне всегда очень хорошо относились и всегда очень хорошо со мной обращались, но всё это носило лишь формально-официальный характер.

Понимаете, я всегда для всех была обязанностью, которую все всегда очень хорошо исполняли, но не более того.

Если бы обо мне заботились не так хорошо, возможно, то, что мне не хватало, я бы увидела в этом, но обо мне заботились не просто хорошо, а, что называется, на высшем уровне. В результате, то, чего мне не хватало, я с раннего детства искала не в мире людей, а среди животных.

Даже у тех моих родственников, которые жили в городе, обязательно были домашние любимцы. Кошки, собаки, попугайчики, хомячки, рыбки и тому подобное. Ну а те, кто жил в сельских условиях, так вообще имели животноводческие мини-фермы широкого профиля.

Пока я была маленькой, ни у кого сомнений не вызывало, что я буду поступать на биологический, но в школе выяснилось, что с биологией я не дружу. Дело в том, что мой опыт общения с животными сильно отличался от утверждений учебника, и биологию я возненавидела с первого же урока.

Об этом опыте никто не догадывался. Всех интересовало только то, чтобы я была накормлена, хорошо одета, чтобы в дневнике были пятерки, чтобы я вела себя прилично и всегда была вежливой. На всё, что выходило за рамки этого списка, никто не обращал внимания. У меня вообще сложилось впечатление, что для них для всех за этими рамками ничего не существует.

- Верное впечатление, — мякнул Лоренц. — Для подавляющего большинства людей действительно ничего не существует за рамками этого списка. Список этот, разумеется, шире, чем ты огласила, но нет смысла рассматривать весь его перечень, поскольку и этих пунктов достаточно, чтобы понять, о чём ты.

- Похоже на то, — отрешённо проговорила Оксана. — Ирина Борисовна, если речь идёт об абсолютном доверии, Вы должны это знать.

Я понимаю, что мой рассказ о своём детстве рисует в воображении вежливую послушную девочку, рассказывающую сказки на ночь любимой козочке, нежно почёсывая у неё за ушком, на котором завязан розовый бантик.

Всё далеко не так трогательно и не так однозначно.

Свою первую курицу я зарезала, когда мне было всего семь лет. И сделала я это не потому, что меня заставили это сделать, готовя к суровой реальности сельской жизни. Разумеется, к этой реальности готовили, но с гораздо более зрелого возраста.

Дело в том, что среди моих родственников нет по-настоящему сельских жителей. Все мои бабушки, дедушки, дяди и тёти — люди с высшим образованием. Учителя, инженеры, врачи. Огромная дружная семья представителей интеллигенции с едиными твёрдыми и очень правильными убеждениями, как следует жить на белом свете.

Я это всё к тому, что даже для тех, кто жил в сельских условиях, собственное хозяйство, в большей степени, представляло собой что-то вроде элемента воспитательного процесса для себя и детей. Да и быт в целом, думаю, сильно отличался от обычного сельского.

До определённого возраста от детей тщательно скрывалось, куда девается то или иное животное и откуда берётся мясо. Кур обычно забивали ранним утром, пока дети спали. Ну

а если предстояло зарезать, к примеру, поросёнка, нас уводили на прогулку куда-нибудь подальше, и обратно домой мы попадали только тогда, когда были ликвидированы все следы.

Несмотря на предосторожности, я всегда остро чувствовала, что происходит. Не просто эмоционально ощущала, а реально чувствовала страх и боль. Чувствовала настолько, что теряла сознание, билась в судорогах. Меня несколько раз водили к врачу, дабы выяснить, не эпилепсия ли часом у меня. Никому не приходило в голову связать мои приступы с забоем животных.

Сама же я об этом ни с кем не говорила, потому что ещё в то время, которое помню лишь обрывками, я очень хорошо усвоила правила семейного общения. Пока ты рассказываешь, на тебя смотрят с улыбкой, изображая, будто внимательно и с интересом слушают. Когда же становится ясным, что ты сказала всё, что хотела, тебе — тоже с улыбкой и маской участия на лице — читают нравоучения на другую тему.

Так вот, когда мне было семь лет, однажды вечером я пошла кормить кур. Это было моё обычное занятие. Моим родственникам нравился мой интерес к животноводству, и они всячески его поощряли.

Едва я зашла в курятник...

Это сложно описать так, как это было. В общем, если формально, то когда я зашла в курятник, я поняла, что завтра должны зарезать курицу, и я почувствовала...

Это сложно объяснить.

В общем, я почувствовала, что одна из них хочет этого. По-другому не скажешь. Нет, это не была курица-камикадзе, но... В общем, она боялась этого, но в то же самое время хотела.

- Оксана, я понимаю, о чём ты. Не подбирай слова. Говори, как получается.

- Хорошо, Ирина Борисовна. Та курица не просто этого хотела. Она будто аж светилась изнутри от предвкушения чего-то удивительного. Я и раньше чувствовала, как животные знают, что пришёл их час, но вот такого ощущения я ещё не испытывала ни разу.

На следующее утро — дело было летом — я проснулась едва начало светать. Я точно знала, что мне делать. Я встала, быстро оделась и побежала в курятник.

Там был мой дядя. На полу стоял таз, а в нём лежал нож. Тем временем, дядя ловил курицу. Ту самую я увидела сразу же. Сияние, которое я почувствовала вчера, неизмеримо усилилось. Дядя гонялся за другой.

«Не надо!», — попросила я.

Он посмотрел на меня с улыбкой и хотел что-то сказать, но в этот момент я взяла ту самую курицу, поднесла её к тазу, вытащила из него нож и резким движением перерезала курице горло. А потом, спокойно глядя на то, как кровь стекает в таз, крепко держала курицу обеими руками, пока её тело не перестало трепыхаться.

Точнее, смотрела я на это вовсе не спокойно, но то, что испытывала я, никак не вязалось с тем, что я сделала. Это сложно описать... Восторг... Экстаз... Эйфория... Нет, совсем не то, но, за неимением других слов, это получается назвать только этими.

Что всё это время делал мой дядя, не знаю. Надо думать, остолбенел в шоке, потому что когда тело курицы перестало трепыхаться, и я подняла глаза, дядя стоял посреди курятника белый, как полотно. Представляю, что он должен был чувствовать, когда у него на глазах семилетняя девочка, которая души не чаяла во всей живности, спокойно, твёрдо и решительно перерезала курице глотку.

Когда дядя пришёл в себя, он, не говоря ни слова, забрал у меня курицу, положил её в полиэтиленовый пакет, той же рукой захватил таз с кровью и ножом, другой взял за руку меня и повёл прочь из курятника.

Тётя возилась на кухне, готовясь разделывать курицу. Как только мы вошли... Короче, надо было видеть её лицо. Разумеется, я вся была в крови курицы.

Дядя сказал: «Всё хорошо. Оксаночка, иди, умывайся».

Я отправилась в ванную, слыша за спиной взволнованный шёпот. Чуть погодя в ванную зашла тётя с приклеенной улыбкой. В руках у неё были чистые джинсы и футболка для меня.

«Оксаночка, давай переоденемся», — сказала она неестественным голосом.

Потом меня накормили завтраком и повезли в город.

Само собой, моих родственников легко понять. Представьте себе, ребёнок, который страдает припадками, похожими на эпилептические, а потом хладнокровно убивает курицу. В общем, несколько дней я провела в психиатрической больнице. Обследовали меня с утра до ночи с перерывами на завтрак, обед и ужин.

В итоге... — Оксана засмеялась. — В итоге, я сразу поняла, что Саша разбирается в психиатрии, когда перед тем, как начались наши отношения, он выяснял степень моей нормальности с помощью тех же самых тестов.

Ну а тогда, моим дяде и тёте сообщили, что моя психика и мое умственное развитие соответствуют норме, и что я безопасна для окружающих. Дядя и тётя не верили. Тогда врач позвал в кабинет меня и в их присутствии спросил прямо:

«Оксаночка, скажи, пожалуйста, своим дяде и тёте, почему ты убила курицу?»

Я стала объяснять:

«Вообще-то, это дядя собирался убить курицу, чтобы тётя сварила из неё суп. Я решила ему помочь. Курицы боялись его и убегали, и он никак не мог ни одну поймать.

Жалко курицу. Но ведь их разводят для того, чтобы съесть. Если бы я не убила её, её бы все равно когда-нибудь убили, ведь так? По крайней мере, со мной ей не было страшно.

Дядя, ведь ты видел, что она совсем не боялась. А ведь самое страшное, если страшно.

Вот например, если шьёшь и уколешь пальчик иголкой, это "ой!" и всё, и совсем не страшно. А если тебе кровь из пальца берут, так перед этим все поджилки от страха трясутся, уже тогда, когда только в поликлинику ведут».

Врач сказал: «Спасибо, Оксаночка, можешь идти».

Я вышла из кабинета в коридор, но специально не закрыла дверь плотно.

Врач объяснял дяде и тёте, что если бы я была ребёнком, который растёт в городе и не видит, откуда берётся мясо, тогда такое моё поведение вызывало бы вопросы. Но поскольку я живу в деревне, где забой животных — нормальное явление, то и моё поведение вписывается в рамки нормы.

Дядя и тётя возражали, что, дабы не травмировать психику детей, они особо заботятся о том, чтобы дети до определённого возраста ни в коем случае не становились свидетелями таких событий.

Врач ответил, что живут они не на необитаемом острове, а дети есть дети, и если они и не видят этого дома, то вполне могут наблюдать за этим у соседей.

Разговаривали они с тем врачом долго, но тот так и не сумел убедить их, что я нормальная и безопасная.

Видимо, разговаривали они не только с врачом, потому что в один прекрасный день меня повезли в какую-то другую деревню. Там в церкви был какой-то особенный батюшка. Когда тот, пообещавшись со мной, тоже заверил их, что всё в порядке, и беспокоиться не о чем, они не поверили и ему.

Вообще-то, все мои родственники — убеждённые атеисты, и не верят не только в бога, но и во все прочие научно недоказанные явления.

Однако напугала я их, видимо, очень сильно, и через несколько дней после батюшки меня повезли в Троицк. Там жили другие мои дядя и тётя. У них мы переночевали, а утром поехали в одну из окрестных деревушек к какой-то бабушке-знахарке.

Бабушка-знахарка та весёлая была. Тёте и дяде рта раскрыть не дала, а тут же им что-то рассказывать стала. Я сейчас уже не помню, что, а тогда и не поняла, о чём это. Однако у дяди

и тётки, что называется, челюсти поотвисали, и глаза из орбит повылезали. В заключении она сказала, чтобы они оставили меня у неё, сами уехали и вернулись за мной через три часа.

Когда дядя и тётка ушли, я спросила бабушку, чего это такое она им говорила, что им аж не по себе стало.

Бабушка рассмеялась и сказала: «Да чушь это всё, дитятко. Я им это всё говорила, чтобы они потом поверили тому, что про тебя скажу».

«А что Вы им скажете?», — спросила я.

«Что есть, то и скажу, дитятко», — ответила бабушка.

«А что есть?», — снова спросила я.

«При тебе говорить буду, так что услышишь», — ответила она.

Тут открылась дверь, и вошёл какой-то мальчик, и мы втроём отправились в лес, есть чернику. Когда вернулись, бабушка сказала тому мальчику идти домой, а мне согрела чаю. Вскоре вернулись дядя и тётка.

Они настаивали, что не следует говорить обо мне в моём присутствии, но бабушка ответила им:

«Ей больше чем вам открыто, а потому она должна знать, что я про неё скажу, чтобы вы вели себя с нею так, как нужно, а не так, как вы себе от непонимания придумали, ибо не чуете вы того, что она чует».

И дальше она сказала:

«Дитё это чует и понимает то, что скрыто от глаз и ушей. Если соберётесь скотину какую резать, прежде у неё спросите. Она укажет, какую можно, а какую нельзя ещё. Если же скажет, чтобы ей нож дали, дайте. Потому что она животину от страха и боли убережёт».

«Она Вам про курицу рассказала?», — спросила тётка.

«Про какую курицу?», — спросила бабушка.

Ей никто не сообщил о причине нашего визита.

«Я курицу зарезала», — сказала я.

«Что чувствовала? — спросила она и добавила, — Не говори. Дай руку и почувствуй снова».

Я кивнула, протянула ей руку и закрыла глаза. Через время, бабушка потрепала меня по голове и сказала:

«Ай да дитятко!».

Я открыла глаза. Бабушка подошла к моим дяде и тёте и говорит:

«Если на охоту кто ходит, пусть её с собой берут. Всегда с добычей будете. И не с простой добычей, а с добычей, что особую силу даёт».

Не знаю, как дядя и тётка отнеслись к тому, что наговорила им бабушка-знахарка, поскольку при мне это ни разу не обсуждалось, однако больше ни к кому меня не водили, и перестали запира́ть в комнате на ночь. Правда, пока я жила у них, никто ни разу не последовал рекомендации советоваться со мной и уж тем более давать нож. И на охоту меня тоже ни разу не брали.

- Ты узнала того мальчика? — спросил Лоренц.

- Нет, — в недоумении ответила Оксана. — Я жила в Троицке примерно полгода, когда мне было года три-четыре, но...

- Я имею в виду не тогда, — перебил Лоренц. — Я имею в виду сейчас.

- Сейчас?

Ничего не понимая, Оксана уставилась на Лоренца.

- То был Ихан, — проорчал Зив. — Мы тоже были там, когда тебя привозили. Не пытайся вспомнить. Ты нас тогда не видела. Когда вы втроём собирали чернику, мы бродили неподалёку, но прятались.

Признайся, ведь после той поездки ты перестала чувствовать страх и боль животных, которых убивают, и у тебя прекратилось то, что твои родственники считали эпилептическими припадками, так?

- Да.

- Это мы тебя научили, но так, что всё это не попало в твоё сознание, а потому ты стала уметь это делать, не отдавая себе отчёта.

- По правде говоря, — замурлыкал Лоренц, — когда мы встретили тебя уже взрослой, мы сами не узнали в тебе ту удивительную девочку, и догадались об этом только сейчас по твоему рассказу. Оксана, ты сильно изменилась с тех пор. Я имею в виду не внешность. Однако у меня есть подозрения, что, несмотря на это, Ихан тебя узнал.

- Оксана, как я поняла, твой опыт с курицей не был единственным? — спросила Ира.

- Верно, — ответила Оксана. — В конце того лета меня отвезли в Челябинск к сестре моего дедушки. Она была учительницей начальных классов, а её муж преподавал в каком-то техникуме. Потом я жила в Магнитогорске у их старшей дочери.

Снова в деревню — но к другим дяде и тёте — я попала, когда мне уже было тринадцать. То были самые младшие дядя и тётя, и их двое сыновей ещё не ходили в школу.

Сначала я чувствовала, что ко мне приглядываются с опасением, но вскоре мне стали доверять, по всей видимости, не представляя себе, как девочка, с такой любовью и заботой ухаживающая за животными, могла хладнокровно перерезать курице горло.

Я там провела весь учебный год. На лето другие дяди и тёти привезли к ним своих детей дошкольного возраста. В общем, там получилось что-то вроде детского сада.

Та тётя преподавала русский, литературу и историю в сельской школе, а дядя работал инженером на каком-то заводе в Кусе. Однажды он уехал на работу, а там его неожиданно отправили в срочную командировку. В общем, вместо того чтобы вернуться вечером, его не было целую неделю.

На третий день той недели ко мне пришла тётя. Она долго мялась и заикалась, но, в конце концов, объяснила, что закончились продукты, и нужно зарезать курицу, чтобы накормить ораву детей, а она боится. Тут я поняла, что о моей истории знают все, хоть и не упоминают этого при мне.

Я взяла таз и нож и отправилась в курятник. Ни от одной из куриц я не чувствовала того, что от той. Я заглянула в другие сараи с животными и обнаружила козлёнка, от которого это ощущение исходило даже сильнее, чем от той курицы.

Я вернулась к тёте. Она нервно ходила по кухне, и вздрогнула всем телом, когда я вошла. Я сказала ей, что нельзя резать курицу, но можно зарезать козлёнка. Тётя настаивала, чтобы я объяснила, почему. Я пыталась, но она не понимала, о чём я говорю. Тогда я в отчаянии схватила её за руку, крикнула «Вот почему!» и воспроизвела в себе страх животного, которое не готово к своей участи.

Не знаю, насколько мне удалось передать тёте это чувство, но когда я открыла глаза и глянула на неё, та смотрела на меня с мистическим ужасом и больше не стала спорить.

Я сказала ей, что козлёнок слишком большой, и я не смогу удержать его, когда тело будет биться, а потому мне нужна её помощь.

«Не бойтесь, — сказала я, — это совсем не то, что Вы думаете».

Тётя послушно поплелась за мной. Как я узнала потом, ей приходилось несколько раз помогать в подобных случаях, и после этого она по несколько дней не могла прийти в себя.

Я вывела козлёнка из сарая и повела в другой, где хранились лопаты, грабли и прочий инвентарь. Тётя шла за мной белая как смерть, неся таз с ножом и сверля меня ошеломлённым и наполненным ужасом взглядом.

Потом она рассказала мне, что когда её муж делал то же самое, выбранное им животное упиралось, вырывалось, орало не своим голосом, а козлёнок шёл рядом со мной совершенно

спокойно. Тогда тётя решила, что он просто привязался ко мне, потому что я ухаживала и за козами тоже, и не понимает, куда и зачем его ведут. От этого то, что я вот-вот должна была сделать, казалось ей ещё ужасней.

Зайдя в сарай, я глянула на тётю и поняла, что в том состоянии, в котором она находится, она ни то что помогать не сможет, а создаст кучу проблем. Однако козлёнок был уже почти взрослый и довольно крупный. Я знала, что одна не справлюсь с ним. Я снова попросила тётю дать руку и, насколько у меня получилось, передала ей то, что чувствовала от козлёнка.

Когда мы вместе разделявали тушу, тётю прорвало, и она, едва отдавая себе отчёт в том, что говорит, рассказывала мне, что с ней творилось в подобных ситуациях. Она рассказывала, насколько это было не похоже на то, что она переживала в момент, когда я заколола козлёнка, и пока она помогала мне держать бьющееся в судорогах уже мёртвое тело.

Объяснить ей причину разницы оказалось проще, чем я предполагала. Дело в том, что у моего дяди не хватало духу, и из-за этого он мучил животное ужасно, прежде чем ему, в конце концов, удавалось убить его. Наш же козлёнок даже мекнуть не успел.

В общем, всё, что я ей сказала в качестве объяснения, это то, что законы выживания на Земле не я придумывала. При этом я очень люблю животных и не хочу, чтобы они мучились от страха и боли.

Тётя спросила, как я заставила её почувствовать сначала панический страх смерти, а затем успокоиться и даже ощутить что-то вообще сопоставимое только с восторгом. Я ответила, что ведь она сама, когда её детям плохо, берёт их на руки, прижимает к себе и таким образом передаёт свои чувства. Не знаю, насколько убедительным получилось моё объяснение, но её, к счастью, оно удовлетворило, и она прекратила расспрашивать меня.

Вскоре её ждал новый шок.

Она увязалась за мной, когда я пошла кормить коз. Те кинулись ко мне как фанаты к своему кумиру. Они всегда встречали меня радостно, но в этот раз это было что-то особенное. При этом тётя знала, как те же самые козы шарахались от дяди, как чёрт от ладана.

Снова посыпались вопросы, на которые у меня были ответы, но такие, которые гарантировали мне новое посещение психиатрической больницы. В общем, я ответила ей, что не знаю, почему так получается, но если ей небезразлично мучаются животные перед смертью или нет, попросила позволить мне делать то, что я сделала.

Когда вернулся дядя, тётя рассказала ему, что произошло, и о чём я попросила. Он пришёл в ужас. Вновь был поднят вопрос о моей опасности для окружающих. Они разговаривали на повышенных тонах. Я всё слышала и, в конце концов, не выдержала, ворвалась в их комнату и крикнула:

«Да поймите же! Мне не нравится убивать, но ещё больше мне не нравится, что вы мучаете животных! Я же умею делать так, чтобы они не мучились.

Тётя, Вы же сами видели, что тому козлёнку не было страшно, и он не успел почувствовать боль! Что в этом плохого? Неужели полчаса пыток, которые устраиваете им Вы, дядя, лучше?»

Дядя и тётя опешили и долго смотрели на меня, не произнося ни слова. В конце концов, дядя сказал:

«Вынужден согласиться, что это — разумно».

С тех пор обеспечение мясом стало моей обязанностью. Относились ко мне с опаской, но дядя, что называется, вздохнул с облегчением, когда это бремя спало с его плеч. Мне даже удалось убедить дядю и тётю подстраивать свои потребности в мясе под интересы животных.

Я прожила у них ещё два года, но когда пришло время выпускного класса, меня снова отвезли в Челябинск.

Ирина Борисовна, если до конца честно, то я наврала своим дяде и тёте, что мне не нравится убивать. На самом деле, мне нравилось, но только в особых случаях. Я понимаю,

звучит это всё ужасно, но, коли уж речь идёт о полном доверии... — Оксана остановилась, не окончив фразу.

- Оксана, если бы ты мне это рассказала до отпуска, я бы точно была бы в шоке и в ужасе, но теперь нет.

Где-то с мая мы со Станиславом Андреевичем стали проводить выходные в горах. По его настоянию мы не брали с собой никаких продуктов и питались тем, что давал лес. В том числе и мясом.

Пока это были прогулки выходного дня, Стас приносил свою добычу разделанной до состояния «как в магазине», и для меня это был обычный продукт питания, никак не ассоциировавшийся с убийством. Поначалу я даже подозревала, что Стас правда купил его, а не добыл на охоте.

Довольно быстро от этого подозрения пришлось отказаться. Между тем, Стас разжёл у меня желание научиться охоте. Дело в том, что на охоту он уходил, имея при себе только нож, и я представить не могла, как сей нож способен помочь в охоте на какого-нибудь зверя, и уж тем более птицу. Это и разжигало любопытство.

Отпуск мы провели в горах. В самом его начале Стас сообщил, что пришло время учить меня охоте. Он сказал, что для начала я лишь посмотрю, как это делает он. В тот раз он убил при мне зайца. До этого я видела сцены убийства только в кино. В реальной жизни это было настолько ужасно, что мне стало плохо.

После этого в течение нескольких дней Стас переворачивал для меня мир. Как это происходило, я расскажу тебе как-нибудь в другой раз. Он научил меня улавливать то ощущение, о котором ты говорила. Затем мне пришлось с помощью этого ощущения найти животное, которое станет нашей добычей.

В этот раз он убил при мне довольно крупную птицу, которая называется кавказский улар. И в этот раз, это было абсолютно другое ощущение. То ощущение, о котором рассказывала ты. То ощущение, которое можно описать словами «восторг», «экстаз» и «эйфория» за неимением более подходящих.

То, что я испытала в первый раз, Стас назвал первым приближением. То, что испытывала в детстве ты, чувствуя страх и боль, убиваемого животного, Стас назвал вторым приближением. Мне тоже пришлось через него пройти, но не с животным, а с растением. Кстати, с растениями тоже можно общаться. Как? Тоже расскажу как-нибудь потом.

- Мы научим, — вставил Зив.

- Спасибо. — Ира улыбнулась ему. — Так вот... А то, что ты чувствовала, когда сама убивала животных, и то, что я почувствовала, когда Стас убивал кавказского улара, он назвал третьим приближением.

Первое, второе и третье приближения — это не разновидности отношения к убийству. Это — разновидности уровней взаимодействия.

Человек знаком только с одним уровнем взаимодействия. Со взаимодействием через посредничество внешнего мира. Осуществляется оно с помощью сознания. Сознание работает с символами. Каждый вид животных и растений использует свой набор символов, и сознание одного вида неспособно качественно обрабатывать символы другого вида.

К примеру, когда ты общалась, допустим, с козами и понимала их, ты не имела ни малейшего представления, о чём они блеют, ведь так?

- Да, их блеяние не имело отношения к моему пониманию их, хотя я и могла трактовать смысл интонаций.

- Вот это и есть неспособность сознания одного вида качественно расшифровывать символы другого. Ведь и козы в некоторой степени понимают человеческую речь, но лишь на уровне отдельных слов-команд. Верно?

- Да.

- Схема взаимодействия через посредничество внешнего мира такова:

Информация поступает в сознание, там переводится в символы, с которыми работает сознание данного вида, и в этих символах передаётся во внешний мир. Сознание другого представителя того же вида благодаря понятным символам получает эту информацию в полном объёме. У людей такими символами, в первую очередь, является речь.

Прямое взаимодействие двух внутренних миров без посредничества внешнего осуществляется за пределами сознания. А что такое сознание?

Люди убеждены, что их сознание и есть внутренний мир. На самом деле, сознание — это лишь тоненькая плёночка на поверхности внутреннего мира. Сознание — это мостик между внешним миром и внутренним.

С другой стороны, информация, которая не достигает сознания, для него не существует. К примеру, пока мы с тобой разговариваем, у тебя работает печень, но информация о её работе не достигает твоего сознания, а потому ты не в курсе, чем сейчас занимается твоя собственная печень.

Так вот, прямое взаимодействие внутренних миров осуществляется за пределами сознания, но для того чтобы быть в курсе такого взаимодействия, информация о нём должна поступать в сознание, иначе получается то же самое, что с печенью.

Таким образом, схема непосредственного взаимодействия двух внутренних миров без посредничества мира внешнего такова:

Информация поступает в сознание, там обрабатывается, но отправляется не во внешний мир, а обратно во внутренний. Оттуда она передаётся во внутренний мир другого существа, откуда поступает в его сознание, где обрабатывается.

Для ответа, само собой, информацию из сознания нужно снова отправить во внутренний мир и оттуда передать внутреннему миру первого существа, откуда оно должно поступить в его сознание.

Сразу видно, что такой путь длиннее, труднее, сложнее и, соответственно, требует больших затрат энергии. Поэтому, если какой-либо вид замыкается на себе — как это произошло с человечеством — и информация других видов прекращает представлять для него ценность, сведения о таком взаимодействии перестают достигать сознания.

То, что человечество замкнулось в пределах своего вида и утратило способность межвидового общения, а вместе с ней и восприятие другого внутреннего мира именно как другого внутреннего мира, а не как объекта мира внешнего — это не роковая ошибка, не досадное упущение и не является чем-то плохим.

Благодаря этому, человечество разработало огромное количество сложных систем символов, главная из которых — человеческая речь. Вся человеческая культура — это результат энергии, потраченной на непосредственное взаимодействие внутренних миров.

С другой стороны, хоть человечество и замкнулось в пределах своего вида, оно продолжает существовать рядом с огромным многообразием животных и растений, которые хранят возможность непосредственного взаимодействия внутренних миров и восприятия другого внутреннего мира именно как другого внутреннего мира, а не как объекта мира внешнего. И это тоже не является недоразумением.

Оксана, перед тем как мы занялись первой Мишиной игрой, я дала ему почитать работу Евгения Вениаминовича о символах Славянской Азбуки.

Я обязательно дам тебе её тоже.

Потом, Евгений Вениаминович посвятил Мишу в принципы работы с символами. На основе этой информации Миша сделал первый вариант анимационной заставки. Ничего хорошего, кроме самой идеи, в том, что он сделал, не было.

Я объяснила Мише, что всё, что он прочёл, и всё, что ему рассказывал Евгений Вениаминович, он знал и до этого, но на интуитивном уровне. То есть, знал на уровне владения

навыками, а весь этот материал лишь помог ему вывести своё знание на уровень сознания. Теперь же ему нужен этот багаж снова перевести на интуитивный уровень, то есть, на уровень навыков, за счёт чего его изначальные интуитивные навыки приобретут иное, гораздо более высокое качество.

Другой пример. Я хорошо рисовала с раннего детства. В художественной школе, а затем в училище и в академии мне объяснили законы изобразительного искусства. То, что мне объясняли, я и так знала интуитивно на уровне навыков. Когда же это пришло ко мне в виде теоретической информации, поначалу она мешала мне, заставляя задумываться, а правильно ли я делаю. Я себе напоминала сороконожку, которую учили правильно ходить. Однако постепенно эта информация вновь перешла на интуитивный уровень. Как только это произошло, мои навыки приобрели иное качество.

Оба примера — не самые удачные, но они характеризуют принцип «туда и обратно». Принцип, который позволяет обрести код доступа к Источнику, код доступа в тайные хранилища внутреннего мира.

Если бы человечество не отгородилось от остальных видов, доступных его восприятию, оно бы никогда не достигло того уровня творчества и развития сознания, которого ему удалось достичь. Теперь же, когда этот уровень достигнут, неплохо было бы вернуться к возможности, которой пользуются, которую хранят животные и растения. То, что эта возможность вполне доступна, ты знаешь как никто другой.

Оксана, практически все наши со Станиславом Андреевичем разговоры о тебе начинаются с одной и той же фразы: «Я опять в шоке от Оксаны». Я уверена, что причина каждого нового шока от тебя — как минимум, главная из причин — кроется в том, что ты умеешь пользоваться возможностью, которую хранят животные и растения, возможностью непосредственного взаимодействия внутренних миров без посредничества внешнего.

Ты не просто теоретически уверена, что другое существо — человек, животное, растение — это другой внутренний мир, ты воспринимаешь его именно как другой внутренний мир, а не как объект внешнего мира.

- Подождите, Ирина Борисовна, получается, что если можно так воспринимать, то можно и изучать не только свой внутренний мир, но и другой внутренний мир тоже?

- Нет, Оксана. Это невозможно. С другим внутренним миром можно контактировать непосредственно, передавая информацию без посредничества внешнего мира, сознания и символов, и получая таким же образом. Мало того, изучение другого внутреннего мира не только невозможно, но и бессмысленно. Почему?

Люди изучают психологию, считая, что психика, работа сознания и подсознания — это и есть внутренний мир.

Сознание, как я уже говорила, это тоненькая плёночка на поверхности внутреннего мира.

Подсознание — намного более толстая прослойка под этой тоненькой плёночкой.

Собственно внутренний мир находится гораздо глубже.

Именно там не действуют законы времени, а сознание и подсознание подвержены законам времени.

Сознание и подсознание — это поверхностные элементы внутреннего мира, связывающие внутренний мир с физическим организмом и относящиеся к физическому организму. Сам же физический организм любого существа — это объект внешнего мира и ничего более того.

Работа сознания и подсознания любого существа подчинена определённым общим законам. Выявление и изучение этих законов на примере одних представителей какого-либо вида позволяет прогнозировать и программировать поведение представителей данного вида в целом.

Собственно же внутренний мир как таковой существует по своим собственным законам, которые не действуют и не имеют аналогов в другом внутреннем мире.

Таким образом, изучение законов другого внутреннего мира и невозможно, и бессмысленно.

Разные внутренние миры — это в самом полном смысле совершенно разные реальности, несравнимые реальности. Грубо говоря, если ты досконально изучил всё, что касается морской воды, тебе это никак не поможет починить сломанный утюг.

Таким образом, помимо всего прочего, сознание и подсознание в условиях земной жизни приводят различные, несравнимые и несопоставимые внутренние миры к общему знаменателю.

На самом деле, не имеет смысла изучать и свой собственный внутренний мир. Но в этом случае, его не имеет смысла изучать, потому что это и есть то, что каждый из нас знает лучше всего. Но знает каждый из нас это не на уровне сознания.

На уровне же сознание это даже невозможно никак назвать. На уровне сознания, это можно лишь смутно ощутить. Вот тебе формула, помогающая это сделать:

Всё, о чём я могу сказать моё, это то, что мне принадлежит, а следовательно, мною не является. Мои мысли, мои чувства, моё тело, моя душа, моё сознание, моё подсознание, моя личность и так далее, и тому подобное, и даже моё «Я».

Невозможно никак назвать, чему это всё принадлежит, потому что к любому слову можно добавить определение «моё». И это не имеет отношения к лингвистике. Это — энергетический факт, который лингвистика отражает, потому что не может его не отражать.

То есть, как-то назвать можно только то, что моё, что мне принадлежит. Всё, что моё, всё, что мне принадлежит, можно и нужно изучать. А вот то, чему это всё принадлежит, то, что невозможно никак назвать, в изучении не нуждается, поскольку и так известно лучше всего. Однако это Знание скрыто от сознания.

В то же самое время, в условиях земной жизни непосредственно мы можем оперировать только сознанием. Даже подсознание недоступно для непосредственного управления. Таким образом, задача состоит в том, чтобы изучая то, что принадлежит, найти путь к тому, чему это всё принадлежит.

На самом деле, ни один путь не позволит сознанию понять и ощутить это в полной мере. Закономерно возникает вопрос: а зачем тогда это делать?

Этот внешний мир — это очень эффективное средство для изменения того, чему принадлежит сознание, подсознание, тело, душа и так далее, и тому подобное. Однако эффективно менять то, чему это всё принадлежит, этот внешний мир способен в любую сторону.

Примерно точно так же как, допустим, с помощью атомной энергии можно снабдить город электричеством, а можно с помощью той же самой атомной энергии уничтожить его. Пока сознанию недоступно смутное ощущение того, чему всё принадлежит, уничтожение, образно говоря, более вероятно, нежели снабжение электричеством.

Для большинства человечества реален внешний мир, а внутренний мир — это иллюзия, плод воображения, фантазии.

Для обычного человека существует единственный путь идентифицировать, ощутить реальность своего внутреннего мира. Этот путь — всевозможные страдания.

Не только страдания от разнообразных видов физической и душевной боли и тому подобного. Муки любви, муки творчества, как говорится, из той же оперы.

Человечество помешано на культе страданий.

Человечество записывает в святые только тех, кто страдал.

Человечество одержимо стремлением причинять страдания, начиная от уровня междоусударственного до уровня внутрисемейных и соседских взаимоотношений.

Если не получается заставить человека страдать, его заставляют сострадать. И так далее, и тому подобное.

Яркие и всеобъемлющие садомазохистские склонности человечества являются результатом того, что страдания — это единственный путь идентификации внутреннего мира.

Когда человек страдает, он не в состоянии заметить свой внутренний мир, не в состоянии заметить, насколько он реален. В моменты особо сильных страданий, внешний мир для человека вообще теряет смысл и даже как бы перестаёт существовать.

С другой стороны, никому не нравится страдать, а потому человек стремится избавиться от этого состояния. Как? Отгородиться от ощущения реальности внутреннего мира, чем-нибудь из мира внешнего.

Помнишь, ты цитировала Эйнштейна? Он, судя по той цитате, избрал в качестве такого щита науку.

Таким образом, страдания выводят на путь к себе, но не ведут по этому пути.

С третьей стороны, испытывать боль, это не значит страдать.

Оксана, родовые схватки — чрезвычайно сильные ощущения далеко за пределом болевого порога, но испытывая их, я не страдала. Я наслаждалась захватывающим предвкушением, что вот-вот появится на свет мой ребёнок.

Боль — хоть физическая, хоть душевная — это всего лишь ощущение. Восприятие любого ощущения зависит от его мощности, от его дозы.

Допустим, лёгкое похлопывание — это приятно либо безразлично. Сильный удар — это больно. Очень сильный удар убивает.

Точка, в которой ощущение перестаёт быть приятным либо безразличным, это болевой порог. Точка, в которой ощущение становится смертельным, это болевой шок.

С раннего детства человек программируется на громадный список того, от чего следует страдать, и на коротенький список того, чем можно наслаждаться. Мало того, к списку «чем можно наслаждаться» есть пояснение, написанное крупным шрифтом: «всё, чем можно наслаждаться, вредно, аморально, либо портит фигуру».

На самом же деле, любым ощущением можно наслаждаться и от любого ощущения можно страдать.

Благодаря наслаждению, болевой порог и болевой шок отодвигаются дальше и дальше, позволяя повышать дозу ощущения. Из-за страдания болевой порог и болевой шок придвигаются ближе и ближе. Таким образом, страдания неспособны вести по пути к тому, чему принадлежит тело и душа, не только потому, что существует непреодолимое стремление от них избавиться.

Путь к тому, чему принадлежит тело и душа, это путь через колоссальные дозы ощущений. Страдания же делают эти дозы невыносимыми и даже смертельными.

Оксана, воспользовавшись возможностью непосредственного взаимодействия внутренних миров без посредничества мира внешнего, ты ощутила реальность собственного внутреннего мира и ощутила её настолько, что у тебя возникло желание её изучать.

Так вот, я считаю, что возможность непосредственного взаимодействия внутренних миров без посредничества мира внешнего — это альтернатива страданиям в идентификации, в ощущении реальности собственного внутреннего мира. И это не просто альтернатива, это альтернатива с перспективой, которую страдания не имеют.

Да, невозможно изучать внутренний мир теми методами, которыми изучают мир внешний, поскольку, как ты обнаружила, внутренний мир существует не по законам времени и,

как следствие, в нём отсутствует повтор, то есть, то единственное, изучением чего заняты все науки.

Мало того, то, что ты горишь желанием изучать, в изучении не нуждается. В изучении нуждается путь к этому. А этот путь пролегает через области доступные для изучения с помощью научных методов, поскольку пролегает он там, где время властно, где есть повтор.

Небольшую часть того, где пролегает этот путь, изучает психология, в то время как большая часть этого пути расположена в области, которую называют мистикой, сверхъестественным. Однако, как я тебе сказала ещё до того как пришли Лоренц и Зив, всё это относится к волновым явлениям, которые изучает физика.

Я сожалею, что не додумалась дать тебе прочесть работу Евгения Вениаминовича прежде. Там речь идёт об энергиях, которые относят к мистике и к сверхъестественному.

Эта работа слишком большая, и ты не успеешь осилить её до завтра, то есть, до приезда Лёши и Эрики. К тому же, это такая работа, которую не получится просто прочесть. Возможно, это и к лучшему, что сейчас ты не находишься под её влиянием. Я обязательно дам её тебе, когда уедет Сергей Леонидович.

Ну а теперь о том, чего я хочу от тебя Оксана, от тебя, Лоренц, и от тебя, Зив.

Кстати, прошу прощения, я забыла предупредить вас, Зив, Лоренц, что до отъезда Сергея Леонидовича вам придётся приостановить работу над вашим сайтом и всё своё время проводить в научной компании.

- Не вопрос, — мяукнул Лоренц.

- Без проблем, — гавкнул Зив.

Ира же отметила, что их взгляды аж пылают интересом и предвкушением.

- Так вот, — продолжила она, — я хочу, чтобы пока Сергей Леонидович и Володя будут здесь, Оксана, Лёша, Эрика и вы проводили всё время в их компании.

Ваша задача — постоянно контактировать с Сергеем Леонидовичем, Володей, Лёшей и Эрикой на уровне непосредственного взаимодействия внутренних миров, и делать это так, чтобы Оксана была этому свидетелем, могла наблюдать за тем, как это происходит.

Оксана, твоя задача — выяснить, к какому разделу физики относится то, чему ты станешь свидетелем.

Я уже говорила, что, на мой взгляд, это — волновые явления, но, как я уже тоже говорила, для меня даже школьный курс физики — тёмный лес. К тому же, если я не ошибаюсь, сама волновая физика имеет различные разделы.

То, что наблюдать ты будешь за учёными, имеет две цели:

Первая, думаю, очевидна. У тебя будет возможность, не конкретизируя, о чём речь, по ходу обсуждать свои впечатления с коллегами.

Вторая цель глобальнее и связана с доверием.

Доверие — одна из ключевых сил. Как я тебе, Оксана, сегодня уже говорила, **ключ от обычной двери ты дашь только тому, кому доверяешь, а ключ от двери к Знанию возьмёшь только у того, кому доверяешь.**

Наука же — это область человеческой деятельности, которая пользуется самой высокой степенью доверия.

Я ни в коем случае не собираюсь делать предметом научного исследования то, о чём мы сегодня говорим. Я хочу найти способ показать этот путь представителям науки, и с помощью силы доверия, которой наука обладает как никакая другая деятельность человека, сделать этот путь доступным для всего человечества.

На самом деле, этот путь и так всем доступен. И о степени его доступности ты знаешь лучше всех. Но этот путь не входит в очевидный для человека ассортимент выбора.

Допустим, весь ассортимент человеческого выбора стоит на полке, а вот эта возможность находится в закрытом ящике, который валяется за полкой. Заглянуть за полку просто и открыть

ящик и вытащить его содержимое — тоже. Но невозможно искать то, о существовании чего поднятия не имеешь.

То есть, я хочу вытащить эту возможность из ящика за полкой и поставить её на полку.

Почему я не хочу делать эту возможность предметом научного исследования?

В первую очередь, — Ира усмехнулась, — потому что не хочу остаток своей жизни провести в психиатрической лечебнице. Ну а если серьёзно...

К примеру, изучать зрение и видеть — это разные вещи. Ты можешь знать всё о зрении, но при этом быть слепым. Ты можешь не знать о зрении ничего, но при этом великолепно видеть.

Безусловно, зная всё о зрении, можно, к примеру, с помощью операции восстановить способность видеть, но... кому-то, а не себе. То есть, то, что наука называет знанием, это средства, применимые к миру внешнему, но не имеющие отношения к миру внутреннему.

В то же самое время, наука — как и любая человеческая деятельность — является средством для работы с собственным внутренним миром, но...

Допустим, если ты изучаешь зрение, твоя научная работа никак не отражается на твоей собственной способности видеть, но определяет функционирование твоего сознания. Это оказывает влияние на подсознание, а оттуда на более глубокие сферы внутреннего мира.

При этом у двух людей, занимающихся одними и теми же исследованиями в области зрения, воздействие их работы на внутренний мир может быть различным вплоть до точности наоборот и несопоставимости. В то же самое время, у двух людей, занимающихся исследованиями в разных областях науки, воздействие их научной деятельности на внутренний мир может быть идентичным. И даже разные виды деятельности — к примеру, деятельность учёного и деятельность дворника — могут оказывать идентичное воздействие на внутренний мир.

Напрашивается вывод, что воздействие на внутренний мир непредсказуемо и не поддается управлению. Этот вывод верен лишь отчасти.

Мы с тобой сегодня уже говорили о ключах. Так вот, отличие ключа от обычной двери и ключа от двери к Знанию состоит не только в том, что первый ты дашь, только тому, кому доверяешь, а другой возьмёшь только у того, кому доверяешь. Есть ещё одно отличие:

Ключ от обычной двери должен подходить к той двери, которую ты собираешься открыть, а ключ от двери к Знанию, должен подходить тому, кто собирается эту дверь открыть.

Я думаю, ты понимаешь, что в данном случае, речь идёт не о том, что знанием называет наука, то есть, не о знании внешнего мира и его объектов. В данном случае, речь идёт о ЗНАНИИ внутреннего мира. Ключ же, в данном случае, это код доступа, это символ или система символов.

Работа Евгения Вениаминовича, которую я собираюсь дать тебе для ознакомления, представляет собой анализ одной из систем символов. Той самой системы символов, которая стала ключом для меня. Притом стала она для меня ключом до того, как я прочла труд Евгения Вениаминовича целиком.

Тогда я даже не знала о его существовании, имея в своём распоряжении лишь маленький фрагмент. Когда же я заполучила работу Евгения Вениаминовича в полном объёме, мне стало ясно, как именно работает ключ, и как можно изготавливать такие ключи.

Само собой, с учётом того, что такой ключ должен подходить тому, кто собирается открыть дверь к ЗНАНИЮ, КПД таких ключей катастрофически низкий. Однако его можно повысить.

Как я уже говорила, одна и та же профессиональная деятельность может оказывать различное воздействие на внутренний мир. Однако разница воздействия этой деятельности на сознание почти отсутствует и даже на подсознание не слишком велика.

Вполне очевидный факт, что профессиональная деятельность накладывает отпечаток на поведение и особенности мышления человека. Как правило, внимательно понаблюдав за человеком, можно догадаться о его профессии. Как минимум, о сфере, в которой он работает.

Ключ же к Знанию, ключ во внутренний мир призван открывать двери туда со стороны сознания и подсознания.

Таким образом, если задаться целью изготовить такой ключ для всего человечества в целом, его КПД будет, допустим, ноль целых одна миллионная процента. Если же изготавливать такой ключ для людей конкретной профессии, его КПД получится, допустим, ноль целых одна десятая процента. Разумеется, цифры взяты с потолка, но сомневаюсь, что они далеки от истины.

Мало того, то, что я в данном случае хочу сделать, это не ключ во внутренний мир, а всего лишь ключ к возможности идентифицировать реальность внутреннего мира не через страдания.

Разумеется, я буду искать формы таких ключей не только для учёных, но дело в том, что даже если человеку дать ключ, который идеально ему подходит, это не значит, что он им воспользуется. В особенности, если у него нет доверия к такому ключу.

Именно поэтому я озаботилась в первую очередь наукой, то есть сферой человеческой деятельности, имеющей самую высокую степень доверия.

Именно поэтому я безмерно рада, что в твоём лице у меня есть учёный, который уже давным-давно открыл для себя эту дверь и знает весь путь.

Именно поэтому я безмерно рада, что сейчас здесь соберётся компания учёных, которые будут общаться в непринужденной обстановке отдыха.

То есть, у меня есть шансы разработать модель ключа, который подойдёт, как минимум, одной десятой процента учёных.

- Ирина Борисовна, даже если всё получится, этот ключ нужно как-то подsunуть в научную среду.

- Вот это, Оксана, вообще не проблема. Во время последнего семинара, весёлый дедушка Пол предложил мне вести в его журнале раздел альтернативного взгляда на мир. Само собой, речь идёт о взгляде на мир, альтернативном научному.

Весёлый дедушка Пол не приемлет ничего связанного с мистикой, религией, мифологией и тому подобными вещами и видит взгляд на мир альтернативный научному только в искусстве.

Искусство же — это особая область, в которой по определению не может быть ничего правильного и ничего неправильного.

Искусство не требует ни доказательств, ни слепой веры.

Искусство — это непререкаемая данность по умолчанию.

Искусство может нравиться или не нравиться, но оно находится за пределами сомнений, а потому с помощью искусства можно внедрять любые ключи.

Почему?

Потому что искусство — это практика, а наука — теория.

Наука — это взгляд на внешний мир, а искусство — отражение мира внутреннего.

- Здорово, но... Ирина Борисовна, представляете, что будет, если вы напишете статью об общении с животными и растениями через непосредственный контакт внутренних миров? Да весёлый дедушка Пол её просто не напечатает!

- Оксана, ты меня неправильно поняла. Разумеется, я не собираюсь писать подобные статьи. В каждом выпуске этого журнала у меня есть две страницы: одна под текст, а другая под иллюстрацию.

И иллюстрация, и текст будут ключами, но ни то, ни другое не будет содержать даже намёков на прямую информацию о непосредственном взаимодействии внутренних миров.

- Ирина Борисовна, я пока не особо понимаю идею ключей, но... Короче, ключи ключами, но я не представляю, как можно подвинуть кого бы то ни было к общению с животными и растениями через непосредственный контакт внутренних миров, ничего не рассказывая об этом.

- Оксана, если не секрет, а кто ТЕБЕ рассказал об этой возможности?

Ира смотрела на неё с весёлой улыбкой. Оксана застыла с приоткрытым ртом. Ира расмеялась.

- Не напрягайся. Вопрос риторический. Разумеется, ты не помнишь, что стало ключом для тебя, но ты вполне способна вычислить, что может стать таким ключом для учёного-физика.

Ещё раз говорю, я очень жалею, что не дала тебе познакомиться с работой Евгения Вениаминовича раньше. Если бы я это сделала, тебе было бы проще понять, что я имею в виду, говоря о ключах. Но с другой стороны, наложение теории на практику даёт более впечатляющие результаты, чем наложение практики на теорию.

- Может быть, — задумчиво сказала Оксана. — Но если честно, я с трудом понимаю, что я должна делать. Если понимаю вообще.

- Не переживай. Лоренц и Зив понимают это гораздо лучше тебя и меня вместе взятых. Я права?

- Абсолютно! — мяукнул Лоренц и гавкнул Зив дуэтом. Их взгляды переполняли воодушевляющий энтузиазм.

- У меня на сегодня всё, — с улыбкой сказала Ира и потянулась за мобильным.

- Подождите, Ирина Борисовна. Можно ещё вопрос? Он, правда, дурацкий.

- Давай!

- Что мы, вообще, делаем? Спасаем мир?

- Нет, Оксана. Мы не спасаем мир. Он не нуждается в спасении. Мы расширяем выбор средств использования этого мира. И это именно выбор, а не навязывание, как происходит со всевозможными вариантами страданий.

Если ты считаешь, что в случае нашего успеха все ученые дружно побегут общаться с животными и растениями, ты глубоко заблуждаешься. Я не собираюсь открывать всем и каждому такой доступ к этой возможности, какой есть у тебя.

В особенности, я не собираюсь открывать его учёным. У них ведь хватит ума сконструировать какую-нибудь штуковину для расшифровки сигналов, поступающих от животных и растений. В этом случае, то, что мы собираемся сделать, потеряет смысл.

Потому что смысл не в том, чтобы понимать животных и растения, а в том, чтобы получить столь же яркое ощущение собственного внутреннего мира, которое дают страдания, но без страданий.

Так что, я собираюсь приоткрыть эту дверцу ровно настолько, чтобы в сознание поступало ощущение от контакта с другим внутренним миром с минимальным количеством информации о природе этого контакта и о его содержании.

Оксана, сконцентрируйся сейчас на своей левой ладони и почувствуй её поверхность. — Ира выждала с полминуты. — Получается?

- Ну-у-у, — неуверенно протянула Оксана.

- А теперь всё то же самое, но потри левую ладонь правой. Как тебе разница?

- Более чем ощутима. — Оксана усмехнулась.

- Вот это я и хочу сделать из непосредственного контакта внутреннего мира человека с внутренним миром животных и растений.

Внутренний мир становится ощутимым, когда его теребят страдания. Для этого они и существуют. Контакт с другим внутренним миром способен давать тот же самый эффект осязаемости, только осязаемость эта совершенно иного качества.

Разумеется, кто-то пойдёт по этому пути дальше и научится полноценно общаться с животными и растениями. Однако меня это не тревожит. Знаешь почему? Потому что без открытия этой возможности большинству, то будут единичные случаи. Как с тобой. А ты ещё в детстве поняла, что ненужно афишировать эту свою способность.

Когда со мной стала происходить куча всякой всячины, которая с обычными людьми не происходит, и я засомневалась в здравости своего рассудка, мне объяснили, что здравость рассудка — это не то, что ты способен воспринимать, а умение правильно оценить, с кем можно делиться своими впечатлениями, а с кем — нет.

Так что, из тех единиц, кто пойдёт по этому пути дальше и научится полноценно общаться с животными и растениями, распространяться об этом будут только сумасшедшие. Оксана, ещё вопросы есть?

- Больше нет.

Ира вновь потянулась за мобильным.

- Подождите, Ирина Борисовна. Я хочу уточнить. Саша действительно в курсе первой темы нашего с Вами разговора?

- Да.

- В таком случае, маловероятно, что этот разговор останется без продолжения, а продолжить его мне гораздо проще по телефону.

- Я пока провожу Зива и Лоренца. — Ира встала и направилась к двери. — Я буду ждать твоего звонка, — добавила она, выходя из квартиры.

- Что там у вас за первая тема была? — полюбопытствовал Лоренц, остановившись у двери лифта.

- Чисто человеческие разборки, — ответила Ира.

- Может, помочь чем? — спросил Зив. — Мы можем!

- Не сомневаюсь. Но в данном случае, это то, через что надо пройти.

Оксана позвонила, когда Ира вышла с Зивом и Лоренцем на улицу.

- Удачи! — пожелал Зив.

- Если что, мы, на всякий случай, будем поблизости, — мяукнул Лоренц.

- Спасибо! — поблагодарила Ира и зашла обратно в подъезд.

Соответствие внутренним стремлениям

Когда Ира вернулась в квартиру, Оксана заканчивала ликвидацию последствий посиделок.

- Саша и Станислав Андреевич ждут нас с чаем на ковре, — сказала она, закрывая воду.

- Идём?

- Да.

Они переоделись, ещё раз окинули придирчивым взглядом результаты своих трудов и вышли.

- Ирина Борисовна, я чувствую, что сложившаяся ситуация предполагает, чтобы я рассказала Саше о своём брате.

- Оксана, не делай этого сейчас. Причина, из-за которой тебе сразу никто не рассказал о том, что произошло между мною и Сашей, та же самая, что и та, из-за которой ты хранишь втайне от Саши свою историю. Я рассказала тебе всё это только потому, что возникла веская причина это сделать. У тебя такой причины в данный момент нет.

И самое главное. Разница между этими двумя ситуациями огромна. То, что произошло между мною и Сашей не затрагивает ваши с Сашей отношения так, как принято расценивать подобные ситуации. Твоя же история... В общем, ты лучше меня знаешь, какое влияние на тебя до сих пор оказывают те твои отношения. Оксана, Саше не нужно сейчас знать об этом.

Я уверена, Станислав Андреевич сумеет помочь тебе развязать те узлы. И вот тогда, когда твоё прошлое перестанет влиять на тебе, когда твоё прошлое перестанет быть для тебя настоящим и станет в полной мере прошлым, вот тогда и расскажешь Саше.

- Спасибо, Ирина Борисовна. — Оксана облегчённо вздохнула и улыбнулась.

- Оксана, да пока не за что.

- Ну как это не за что? Вы только что снабдили меня великолепным оправданием, почему я в очередной раз не сделаю того, что обязана была сделать сразу, как поняла, что Саша меня любит. А может, даже и раньше.

- Знаешь, я всегда ценила искренность в любых отношениях. А однажды обнаружила, что мои лучшие друзья, которым я безоговорочно доверяю, постоянно разыгрывают меня и вовсе не в качестве невинных шуток. Я была в шоке. А затем пришло понимание, что их розыгрыши были единственным способом помочь мне.

Разница между правдой и ложью существует только во времени. Вне времени есть энергетические факторы, которые работают с разной степенью эффективности и в разном направлении.

Мои лучшие друзья всегда выбирали те, которые наиболее эффективно действовали в нужном направлении, не заботясь о том, что избранные ими энергетические факторы представляли собой во времени: правду или ложь. Понимаешь, о чём я?

- Думаю, что да.

- Твои отношения с братом, до сих пор терзающие тебя, это — бомба, которую нужно обезвредить, а не пихать в руки человеку, который, несмотря ни на что, значит для тебя больше всего на свете.

- Я понимаю, но...

- Оксана, — перебила Ира, — если бы Саша мог обезвредить эту бомбу, он бы уже давно это сделал. Его отношение к тебе уже давно превратило бы ту историю в формальный сказочно-сериальный поворот судьбы, вызывающий не больше эмоций, чем подобная ситуация в сказке или в сериале.

- Я поняла.

Они подошли к двери в квартиру. Оксана достала ключ и отомкнула её.

На полу лежал огромный медный поднос с четырьмя источающими пар чайниками, четырьмя чашками и несколькими тарелками с бутербродами и пирожными. Вокруг подноса первозданным хаосом валялось несметное количество подушек.

Александр и Стас стояли у окна. По всей видимости, скрежет ключа оборвал их разговор на полуслове.

Едва Ира и Оксана вошли, Александр устремился им навстречу.

- Оксана, — от волнения голос Александра звучал с каменным оттенком, — можешь думать обо мне что хочешь, но я не собираюсь просить прощения.

- В таком случае... В качестве компенсации... Пожалуйста, избавь меня от необходимости выдумывать, как мне реагировать! — Оксана начала, запинаясь и заикаясь, но окончание фразы вырвалось из неё отчаянным криком души.

Александр на мгновение замер с приоткрытым ртом, а потом расхохотался и в порыве прижал Оксану к себе.

- Воистину чудо природы! — с остатками смеха воскликнул он.

- Так, девчонки, — сказал Стас, отходя от окна, — выглядите обворожительно, но только с учётом, что обе замученные насмерть. А потому давайте-ка сразу говорите, что нужно, чтобы уже ничего не мешало вам полноценно расслабиться.

- Стас, нужно сделать так, чтобы Оксана, Лёша, Эрика, Сергей и Володя проводили вместе как можно больше времени. Желательно с утра до ночи. И ещё нужно, чтобы с ними постоянно были Зив и Лоренц. И ещё желательно, чтобы Надя и Света, по возможности, отдыхали отдельно от них.

- Не вопрос. Надя и Света — великие специалистки по пляжу, в то время как Серёга и Володя в больших дозах переносят его с трудом. Так. Оксана, машину водишь?

- Да.

- Саша, дай листок бумаги.

Александр, который все ещё не пришёл в себя окончательно, на автопилоте принёс. Стас достал ручку и начал писать.

- Оксана, дай свой паспорт и права, — попросил он по ходу.

Оксане тоже адекватное осознание окружающей обстановки давалась пока с трудом, и она передала затребованные Стасом документы также на автопилоте.

Стас закончил писать, вытащил из борсетки техпаспорт, страховку и ключи от машины и протянул Оксане вместе с исписанным листком бумаги и её документами.

- Держи. Я сегодня машину оставляю здесь. С завтрашнего дня она в твоём распоряжении.

- Че-го?! — включился в действительность Александр.

- Чего-чего! — Стас усмехнулся. — Пока Надя и Света будут отвисать на пляже, Оксана с Лёшей, Эрикой, Сергеем Леонидовичем и Володей, а так же с Лоренцем и Зивом где-нибудь по горам покатаются. В машину как раз чётко вмещаются. Лоренц и Зив, думаю, не обидятся, что им в багажнике придётся сидеть.

- Так! Подождите! — Александр выглядел встревоженным. — Оксана, ты когда последний раз за рулём сидела?

- Как в Сочи переехала, не сидела, а до этого — с восемнадцати лет практически постоянно.

- Саша, не переживай, — сказал Стас. — Завтра вместе с Оксаной до аэропорта за Лёшей и Эрикой прокатаешься. Пока до Адлера доедет, вспомнит, как это делается. Ну и ты заодно успокоишься.

- Станислав Андреевич, Вы так во мне уверены? — удивлённо спросила Оксана.

- В тебе — нет. Я в машине уверен.

- Она что, у Вас, заколдованная? — Оксана хихикнула.

- Что-то типа того. Короче, в субботу куда-нибудь все вместе съездим. В смысле, мы все, Лоренц, Зив, Лёша и Эрика. Чтобы не гонять две машины, вы все, включая Зива и Лоренца, поедете с Оксаной, а я — типа на такси. Через проход я доберусь раньше вас, и подготовлю всё для плодотворного отдыха, в процессе которого обсудим программу на предстоящие две недели. Годится?

- Думаю, да, — ответила Ира.

- В таком случае, закрываем деловые вопросы. Отдыхайте, девчонки!

Ира в точности исполнила отданную команду и в считанные минуты расслабилась настолько, что окружающее пространство виделось как сквозь сон. Оксана находилась примерно в таком же состоянии. Зато Александр и Стас о чём-то оживлённо беседовали. О чём, Ира не улавливала, воспринимая их голоса лишь звуковым фоном.

- Нет, Станислав Андреевич, — звуковой фон разнообразия ради решил обрести смысл. — Я великолепно это помню, потому что как раз шёл саммит Большой Восьмерки, и...

Слово «саммит» взорвалось в сознании.

Ира вскочила и кинулась в ванную к зеркалу. Что сделало с ней её отражение, она понять не успела, потому что следом зашёл Стас.

- Ира, что случилось?

- Ничего. Я в порядке, — ответила она и улыбнулась.

- Ты уверена? — Стас внимательно разглядывал её.

- Да.

- Идём-ка домой. По-моему, ты устала гораздо сильнее, чем мне показалось поначалу.

- Идём.

Оксана и Александр собирались проводить их до щели прохода, но, спускаясь по лестнице, Александр вспомнил, что у них закончилось что-то из продуктов первой необходимости. Время было на грани закрытия магазинов, а потому, выйдя со двора, они попрощались и направились в другую сторону.

- Стас, давай прогуляемся, — предложила Ира.

- Давай.

Они вышли на набережную реки Сочи и какое-то время брели молча в сторону моря.

- Стас, — заговорила Ира, когда они через арку под Ривьерским мостом вышли в Комсомольский сквер, — я хочу попросить тебя кое о чём.

- Проси.

- Стас, помоги Оксане.

- Давно мечтаю! Но я с ней не в тех отношениях, чтобы лезть в душу, а по движениям энергий не могу определить, что с ней.

- Сейчас расскажу. — Ира пересказала историю Оксаны. — Ну что? Сможешь помочь?

- Легко. Правда, моя идея вряд ли понравится Оксане, но тут уж ничего не поделаешь. Ей придётся через это пройти. К тому же, сомневаюсь, что всё будет так уж страшно на практике.

- А что именно?

- Ничего сверхъестественного. Ей всего лишь нужно встретиться со своим братом.

- Ты считаешь, этого будет достаточно?

- Более чем. Ира, если ты думаешь, что за весь свой опыт человеческих жизней я ни разу не влюблялся, ты глубоко заблуждаешься. Проходили! И не только мимо.

- И в этой жизни тоже?

- Само собой. Мало того, ты знакома с объектом моей самой сильной влюблённости в этой жизни.

- И кто же это?

- Надя, разумеется.

- Надя?!

Ира подняла удивлённый взгляд на Стаса и хмыкнула.

- Что такое? — спросил Стас с улыбкой.

- Видишь ли, мир и вправду тесный. Надя и Наташа — подруги детства. В то лето, когда я занималась поющим домом и разрабатывала линию мебели по мотивам изысков первобытных племён, Надя и Сергей с детьми отдыхали в Сочи и заехали к Наташе в гости, а Наташа соседски пригласила меня составить им компанию в посиделках.

Насколько я поняла, они на тот момент были в Сочи не более одного-двух дней. У них что-то не получалось с роумингом, и пришлось купить SIM-ку местного оператора. С неё Надя звонила тебе, сообщить, что они нормально долетели, и с детьми всё в порядке.

До этого Гена мне немного рассказывал о тебе, и я догадалась, что это и есть та твоя семья, о которой он говорил.

Я предложила им на следующий день съездить куда-нибудь на дикий пляж за мидиями и рапанами. Мы поехали. Пока Сергей, Света и Володя ныряли в море, Надя рассказала мне о твоих с ней взаимоотношениях. Стас, что-то не похоже на влюблённость.

- Ира, я отлично знаю, как это работает, а потому позаботился, чтобы у Нади не возникло ко мне ответных чувств, и чтобы она понятия не имела о том, что я к ней испытывал. Сергей тоже не в курсе.

Единственный человек, которого я поставил в известность, это Надин отец. Когда мы с ним бродили по тайге, я объяснил ему, что мне безразлична его дочь. Именно поэтому она — мать моих детей, и я приложу все силы, чтобы она ни в чём никогда не нуждалась и была счастлива. Проблема в том, что со мной она счастлива не будет. Зная это, я намеренно вёл себя с ней так, чтобы не вызывать у неё приятных эмоций в отношении себя, и чтобы рядом с ней был человек, способный воплотить в жизнь идеалы тихой, мирной и комфортной семейной жизни.

Ира, в состав человеческого воплощения входит энергия, которая работает практически так же, как то, что Максим называет сила «ИКС». Эта энергия — втягивающая сила Вселенной. Это то, что люди чаще всего называют сексуальной энергией. То есть, если между людьми...

Обрати внимание: между ЛЮДЬМИ, а не между ЛИЧНОСТЯМИ.

Так вот, если между людьми разных полов возникает особое соответствие, появляется возможность коснуться друг друга этой энергией. Правда, в данном случае, называть это возможностью неверно. Если личности могут выбирать, касаться или не касаться друг друга силой «ИКС», то у людей такого выбора нет. Как только соответствие сформировалось, прикосновение друг к другу втягивающей энергией Вселенной неизбежно. Это и есть влюблённость.

Кроме выбора касаться или не касаться друг друга силой «ИКС», личности вольны решать на мгновение или на вечность, образно говоря, и поддерживать или не поддерживать необходимое для этого соответствие. Личности имеют весь этот ассортимент опций, потому что сила «ИКС» и всё с ней связанное принадлежит внутреннему миру.

У людей такого выбора нет, потому что и человеческое тело, и втягивающая сила Вселенной не являются элементами внутреннего мира. Нужно соответствие обуславливается физиологическими и энергетическими процессами в человеческом организме.

Все эти процессы, разумеется, энергетические. Физиологическими я называю те, которые изучаются человеческими науками, а энергетическими те, которые относят к мистике. Тем не менее, это тоже процессы, связанные с физическим человеческим телом.

Все эти процессы не находятся под непосредственным контролем человеческой воли.

В ходе этих процессов в человеческом теле происходят постоянные изменения, а потому соответствие, необходимое для касания втягивающей силой, как правило, длится недолго. Хотя вполне может продолжаться в течение многих лет и даже всю жизнь.

Если две личности касаются друг друга силой «ИКС», воплотившись людьми в один временной период, они, чаще всего, находят друг друга и касаются втягивающей силой тоже. Как правило, такое касание длится всю жизнь.

Но это именно «как правило» либо «чаще всего», но не в каждом случае. Всё зависит от задач, которые личности ставят перед собой, воплощаясь людьми.

Так вот, энергетическое соответствие человеческих организмов и касание друг друга втягивающей силой, то есть влюблённость, это — идеальные условия для благоприятного зачатия.

В чём эта благоприятность?

Если таким образом обретает воплощение уже существующая личность, она за счёт этого получает неограниченные возможности в трансформации своего воплощения по своему желанию.

Если же таким образом возникает новая личность, в её состав собираются энергии, способные гармонично слиться воедино и образовать личность с изначально гарантированной степенью устойчивости.

- Стас, подожди.

- Что такое?

- Ихан говорил, что его дочери — это его эксперимент. Он говорил, что в них собраны энергии, изначально неспособные к гармоничному единению.

- Ира, помнишь разговор с Иханом в пансионате, когда мы делали вид, словно уговариваем его у нас работать, а он делал вид, будто упирается? Помнишь, я попросил его показать фото жены?

- Помню, конечно.

- Ихан умеет искусно управлять не только своим внешним поведением, а потому, я лишь смутно почувствовал, что тут что-то не так. Потому и попросил показать фото жены. Ихан понял, почему я прошу об этом. Собственно, дать смутно почувствовать, что тут что-то не так, было его решением.

Едва я глянул на его жену, стало ясно, что он никогда не был в неё влюблён. Его брак был в полном смысле слова браком по расчёту. Единственное, не по экономическому расчёту, а по энергетическому. Короче, у Ихана свои причуды, и я их не совсем понимаю, а точнее, совсем не понимаю.

Так вот, с помощью Нади я дал возможность благоприятного воплощения здесь двум своим, скажем так, приятелям. Им обоим до уровня великий ещё далековато, и это — их первый опыт во Вселенной. Я имею в виду Володю и Свету, само собой.

- Стас, подожди, даже если ты был влюблён в Надю, она-то не была в тебя влюблена.

- Безответная любовь — не такая уж и редкость. Дело в том, что и в этом случае существует необходимое соответствие и происходит взаимное касание. Но у одного из участников процесса по каким-либо причинам происходит блокировка сигнала о соответствии и касании, и он не поступает в сознание. Точно так же как в сознание не поступают сигналы о работе внутренних органов, если всё в норме.

Сознание ни сном ни духом, но внутренние органы работают. Сознание ни сном ни духом и нет даже намёков на состояние влюблённости, но нужное для благоприятного зачатия соответствие есть.

Причины такой блокировки могут быть разными. В данном случае, я сам намеренно поставил Наде эту блокировку.

С Оксаной произошло примерно то же самое, только само по себе и в другую сторону. Так тоже бывает нередко. В особенности, в случаях вынужденного разрыва отношений в совокупности с сильными эмоциональными переживаниями по этому поводу.

Историй о вынужденных разрывах отношений и любви всю жизнь масса. Нечто подобное фантомным болям. В смысле, когда у человека годами продолжает болеть ампутированная конечность.

Немало рассказано историй не только о таких разрывах, но и о воссоединениях через годы. Но если истории о разрывах и не угасании чувств в большинстве случаев правдивы, то почти все рассказы о счастливом воссоединении через годы — попытка выдать желаемое за действительное.

Бывает, конечно, но лишь у личностей, коснувшихся друг друга силой «ИКС». Во всех же остальных случаях, новая встреча через годы — лучший способ излечиться от влюблённости.

Я сам использовал этот способ в случае с Надей.

Ира, я хорошо знаю, как это всё работает. Но знать, как работает, и иметь с этим дело на практике — разные вещи.

С Надей это было как раз-таки то, что называют любовью с первого взгляда. И даже ещё до него. Как у тебя с твоим бывшим мужем. Я сначала почувствовал её, а потом увидел.

Разумеется, я умею ставить блокировку себе, но мне нужно было помочь тем, кто сейчас Володя и Света.

Видишь ли, если по каким-нибудь причинам происходит блокировка сигнала сразу у обоих, нужное соответствие исчезает. Ну а ставить блокировку себе и не ставить её Наде... Короче, таких вещей я себе никогда не позволял и не позволю.

- Стас, если я правильно понимаю, Женя себе такие вещи позволяет?

- Ира, мне не нравится многое из того, что позволяет себе Женя. В то же самое время, ему не нравится многое из того, что позволяю себе я.

На моём месте, Женя рядом с Надей являл бы образец нежности, чуткости, ласки и заботы. Она была бы влюблена в него до безумия со всеми вытекающими последствиями. Он же оставался бы абсолютно спокоен. На некоторое время Женя превратил бы её жизнь в волшебную сказку, но обошлось бы ей это дорого.

Ира, ты была влюблена. Ты в курсе, чего это стоит. Если мне приходится связываться с влюблённостью, я предпочитаю сам платить по счетам.

По рассказам Нади, ты знаешь, как я с ней обращался. Вот этого вот себе никогда не позволит Женя. Я же тщательно позаботился о том, чтобы единственной положительной эмоцией, которую Надя когда-либо испытывала в отношении меня, стало облегчение в моменты, когда я избавлял её от своего присутствия.

Ну а я...

Помнишь свою историю с Раулем? Помнишь, что с тобой тогда творилось? Вот примерно то же самое, но не три месяца, а несколько лет.

- Стас, но ведь ты великолепно умеешь управлять собой.

- Умею. Благодаря этому, у меня и получилось, в конце концов, вылезти.

Управление собой — это не фокус-покус.

Да и управлением СОБОЙ это называть неверно.

Человеческое тело, мысли, эмоции, чувства, ощущения — это то, что тебе принадлежит и существует по своим собственным законам. Для управления всем этим ты можешь пользоваться не вслепую только сознанием, которое тоже всего лишь тебе принадлежит и существует по собственным законам.

Я знал, что со мной происходит, и что нужно со всем этим делать. Как только родилась Света, необходимость в использовании состояния влюблённости отпала, и я попытался блокировать его.

Видишь ли, если ставишь блокировку сразу, никаких сложностей не возникает, а вот если ныряешь во влюблённость с головой, то... В общем, в этом случае, лучше дожидаться, когда соответствие исчезнет само собой, потому что велика вероятность поставить блокировку не

туда и, вместо того чтобы блокировать своё сознание от влюблённости, заблокировать влюблённость в сознании.

Именно это произошло с Оксаной, только само по себе, а не в результате намеренного вмешательства, как в моём случае.

Я знал об этом риске, но пошёл на него, потому что просто устал. Меня ещё ни разу не накрывало так надолго. С одной стороны, я был рад, что мне удалось помочь и Володе, и Свете, но с другой стороны, меня всё это основательно вымотало. Короче, я хотел покончить с этим, как можно скорее, но получилось то, что получилось, а не то, что я собирался сделать. В итоге, у меня остался только один выход.

Я перестал видаться с Надей, хоть и продолжал общаться с детьми и Сергеем, а затем, года через три, я встретился с ней вновь.

Ощущение, будто просыпаешься с вопросом «Что это было?».

Я не однажды ввязывался в эти игры. Само собой, не в пределах одной жизни. И не однажды пользовался этим приёмом. И каждый раз, даже зная, что будет, всё равно испытываешь шок. Резко возникает ощущение, что никакой влюблённости никогда не существовало. Умом помнишь, что было, но... В общем, будто не с тобой.

Конечно же, когда люди годами рисуют в своём воображении фантастические картины продолжения любви, такая встреча оборачивается для них мучительным разочарованием, крушением надежд. По понятным причинам сомневаюсь, что такой исход ждёт Оксану, но без шока вряд ли обойдётся.

- Стас, я тут невольно проговорилась.

- О чём?

- Видишь ли, Надя не хочет, чтобы ты знал, что в Сочи живет её подруга детства. Я имею в виду Наташу. Я не в курсе, почему Надя этого не хочет, но когда они приехали зимой, она, первым делом, предупредила меня об этом.

Стас усмехнулся.

- А я всё понять не мог, чего это она так перепугалась, когда тебя увидела. Не обращай внимания. Это у них семейный бзик потомственных конспираторов.

Если мы с Сергеем говорим о чём-то, что каким-то образом касается Нади, из его уст обязательно звучит: «Только ей не говори, что ты знаешь». У Серёги свои заботы, и он не в состоянии упомянуть всего, чего, по мнению Нади, я не должен знать.

Так что, у меня тоже уже давно выработалась привычка при Наде делать вид, будто я вообще ничего не знаю о её житие-бытие. В общем, не переживай. Не выдам.

- Стас, я понимаю, что в каждой семье есть свои бзики, но, по-моему, это слишком.

- Ира, ты просто не была на Надином месте. Во-первых, её растили люди, которые на собственном опыте знали, что такое слежка, обыск, допрос. Знали, как случайно брошенное слово доводит до расстрела.

Во-вторых, я действительно был влюблён в неё очень сильно и столь же сильно не хотел, чтобы она знала о моих чувствах к ней. При этом я не мог их никак не выражать.

Я заботился о ней, но так, чтобы это выглядело холодной вежливостью хорошо воспитанного человека, и прилагал все силы, чтобы она ни в коем случае не восприняла это как-то иначе.

Как прилагал силы?

Со связями моего отца раздобыть сведения о ней и её семье не составляло труда. Время от времени небольшими порциями я ставил её в известность о своей осведомлённости.

Знаю, что это жестоко манипулировать человеком в зоне страха. Но я собирался быть влюблённым в неё ровно столько, сколько понадобится для достижения моих целей, которые, как ты понимаешь, были далеки от понятного Наде намерения создать семью. В такой ситуации позволить Наде влюбиться в меня, было бы ещё более жестоко.

- Стас, но ведь с тех пор прошло немало времени.

- Верно. Но...

Вдруг совсем рядом на уровне головы Иры раздался щелчок. Вздвогнув от неожиданности, она резко повернулась. Перед её глазами в полутьме аллеи оказалась рука Стаса. Он щёлкнул пальцами ещё раз и усмехнулся.

- Запомни свою реакцию. Потом как-нибудь, когда я не буду этого ожидать, проделай со мной то же самое и посмотри на мою реакцию.

- Это ты к чему сейчас?

- К тому, о чём мы с тобой го...

Ира щёлкнула пальцами на уровне головы Стаса, оборвав его на полуслове, и застыла с приоткрытым ртом.

Щелчок ещё не успел отзвучать, как Стас резко пригнулся, отвернувшись от источника звука и прикрыв голову рукой.

- Что это было? — спросила Ира.

- С твоей стороны — чёрное коварство, смешанное с потрясающей догадливостью, что именно сейчас я буду ожидать этого меньше всего. Ну а с моей стороны — выработанная реакция на звук, напоминающий выстрел. Ира, последний раз в меня стреляли двадцать лет назад, но реакция, как видишь, действует до сих пор. То же самое происходит и с Надей.

- Да уж, — задумчиво изрекла Ира.

- Идём домой, — предложил Стас, кивнув на колышущуюся посреди газона щель прохода.

- Идём.

Дом исполнял собственную интерпретацию «Танца блаженных духов» из «Орфея и Эвридики» Глюка.

- В тему, — заметила Ира с улыбкой.

- Он всегда в тему, — тоже с улыбкой подтвердил Стас. — Черешни хочешь?

- А что, есть? — Глаза Иры засияли предвкушением.

Продолжая держать Иру за руку, Стас повел её вверх по лестнице и далее в сторону кухни. Там он открыл холодильник и достал огромный пакет с черешней, едва не рвущийся по швам от степени наполненности.

- Ты хочешь, чтобы я лопнула? — весело поинтересовалась Ира.

- Я разве сказал, что ты должна всё это съесть в один присест?

- Ты думаешь, что у меня хватит силы воли остановиться?

Стас смерил Иру оценивающим взглядом, отсыпал в дуршлаг примерно четверть содержимого пакета и принялся мыть.

- Понимаю, что эта доза тоже великовата, но не переживай, я тебе помогу, — сообщил он, пересыпав черешню в большую миску, и направился в гостиную.

- Стас, я всё равно не могу понять, почему ты вёл себя с Надей так, что она до сих пор в ужасе шарахается от тебя.

- Ну! Насчёт «шарахается в ужасе» ты преувеличиваешь.

- Не спорю, но...

- Ира, — перебил Стас, — на мой взгляд, я объяснил тебе причину особенностей своих отношений с Надей более чем подробно.

- Да. Но... Стас, ты сегодня предложил мне вспомнить историю с Раулем. Так вот, в этой истории есть один занимательный эпизод.

Мне реально было несладко, и при каждой возможности я бегала плакаться в жилетку — точнее, в шкуру — Зиву и Лоренцу.

Так вот, однажды в состоянии полувменяемости я решила плюнуть на то, что непонятно почему сдерживало меня, но едва я приступила к воплощению своего решения в жизнь, меня

объял панический ужас, и я в полном смысле слова сбежала. Само собой, побег закончился в компании Зива и Лоренца. Они предположили, что столь сильный страх должен излечить меня от страсти. Прислушавшись к себе, я констатировала полное безразличие в отношении Рауля.

Наваждение длилось до середины следующего дня. Когда я обнаружила, что ничего не изменилось, и Рауль так и продолжает вызывать у меня всё те же самые чувства и эмоции, знаешь, что со мной произошло? Я обрадовалась! Да, всё это было мучительно, но с другой стороны...

Короче, Стас, неужели ты считаешь, что если бы ты воспользовался своими чувствами к Наде так, как такими чувствами принято пользоваться, и позволил бы ей сделать то же самое, ей бы от этого было только хуже?

- Именно так я и считаю. Почему? Объясню на примере Гениной матери. Я разговаривал с ней незадолго до её смерти. Разумеется, мы и до этого с ней общались, но в тот раз она стала изливать мне душу.

Так вот, для того чтобы обеспечить Гене необходимые для него условия внутриутробного развития и рождения, Женя провёл с его матерью чуть больше двух часов. Ни до этого, ни после она его больше не видела, но всю свою жизнь она жила вот этими вот двумя часами.

- Стас, а что в этом плохого? Насколько я знаю по рассказам Гены, жизнь его матери в целом — это нечто серое, тусклое и безрадостное. Что плохого в том, что Женя подарил ей такой яркий момент, который она лелеяла в своей памяти до конца своих дней? Даже если эти воспоминания, в каком-то смысле, были для неё мучительными.

- Ира, я не слишком хорошо знаю подробности жизни Гениной матери, но уверен, что её жизнь была не такой уж серой, тусклой и безрадостной, а тот момент — не до такой степени ярким, как может показаться. При этом она действительно прожила серую, тусклую и безрадостную жизнь с единственным ярким моментом. А знаешь почему? Потому что этот момент не позволил ей заметить тех радостей, которые выпали на её долю.

Повторяю, я не знаком с подробностями её жизни, но я знаю, что она не заметила, какой потрясающий у неё сын. Она не заметила его любви к себе и заботы даже на самом заметном для человека материальном уровне.

Едва обустроившись в Коста-Рике, Гена забрал свою мать туда. Однако всего через месяц он вынужден был вернуть её в Россию. Его мать не приняла Лу и превратила их жизнь в ад.

В России Гена купил ей дом и нанял полный комплект прислуги, избавляющий её от бытовых забот. В итоге, она устроила ему допрос с целью выяснить, откуда у него столько денег, и с угрозами заявить на него в соответствующие органы.

Чтобы её успокоить, Гена продал дом, купил небольшую квартиру и сам выкраивал время, чтобы помочь по хозяйству. Ты немного знакома с графиком Гены и можешь себе представить, чего ему стоило сбегать для неё в магазин или починить текущий кран, даже с учётом проходов.

Правда, продолжалось это недолго. Мать обвинила его в краже своей пенсии, при этом ни разу не заметив, что приносимая им из магазина сдача, как минимум, раза в два превышает ту сумму, которую она ему выдала.

В общем, она его выгнала со словами: «Чтобы духу твоего тут больше не было!».

Гена пришёл ко мне в шоке и с вопросом: «Что делать?».

Ну что, по старым связям моего отца нашли женщину, имеющую опыт работы в соответствующих органах. Она внедрилась к Гениной матери в качестве приятельницы и последние годы её жизни обеспечивала ей комфорт и благополучие.

- Стас, то, что ты рассказываешь, это описание старческого маразма. Сомневаюсь, что особенности его проявления связаны с тем, что сделал Женя.

- Мне тоже не приходило в голову связать это вплоть до того, как она разоткровенничалась со мной.

Генины мать и отчим — оба выходцы из глухой провинции. Познакомились они, когда учились в Москве. Она — в институте культуры, а он — в строительном.

Оба мечтали в Москве остаться, но тогда такие мечты осуществлялись с большим трудом. Однако Генин отчим хорошо зарекомендовал себя во время учёбы, и ему пообещали помочь устроиться в Москве, если он отработает лет пять на севере. Он согласился, женился на Гениной матери и они уехали.

Пять лет превратились в семь, а обещание так и оставалось обещанием. Он решил взять судьбу в свои руки, поехал в Москву, нашёл работу, обеспечивающую его с женой жильём и временной пропиской, и они переехали.

Согласись, превратиться в рядового сантехника в домоуправлении после главного инженера крупной строительной организации — это серьёзное испытание. Разумеется, он рассматривал такое резкое понижение социального статуса лишь стартом и не сомневался, что быстро восстановит свои позиции.

Конечно же, у них была масса сложностей — и внутрисемейных тоже — но вполне обычных с учётом ситуации.

И тут появился Женя.

Мать Гены ничего не говорила по этому поводу прямо, но у меня создалось впечатление, что на тот момент супружеская измена не была для неё чем-то принципиально новым. Тем не менее, Женя произвёл на неё особое впечатление. Впрочем, кто бы сомневался!

По её словам, для неё мир перевернулся, и жизнь другими красками засияла и уже больше никогда не была прежней. То, что больше уже не была прежней, это точно. Только вот никакими красками она не засияла. После встречи с Женей, мать Гены потеряла интерес к жизни.

Я её хорошо помню с раннего детства. Заторможенное, амёбоподобное бесформенное создание, едва следящее за собой даже на уровне элементарной гигиены. При этом во дворе рассказывали, что когда она только приехала, то была жизнерадостная хохотушка, которая постоянно устраивала детские мероприятия на базе библиотеки.

Говорят, она очень любила с детьми заниматься. А вот Гену — её сына — мой отец учил, как рубашку в брюки заправлять и в носу не ковырять.

Такие изменения в ней во дворе объясняли тем, что муж пьёт. Но отчим Гены пить начал, когда мне уже лет шесть было. А вот мать его жизнерадостной хохотушкой, устраивающей в библиотеке праздники для детей, я не помню.

- Стас, подожди. Гена говорил, что его отчим...

- Спокон веку пил? — перебил Стас. — Просто, до того как он пить начал, Гена его практически не видел, потому что он каждую свободную минуту отдавал тому, чтобы наладить жизнь. Он пить начал, только тогда, когда окончательно сдался.

Отчим Гены попал в ситуацию замкнутого круга, которые в те времена создавались мастерски.

Когда он только приехал в Москву, всё выглядело ясным и понятным. Пять лет служебная квартира, временная прописка и работа сантехником. Через пять лет — собственная квартира, постоянная прописка и работой, где хочешь, с учётом образования и опыта.

Через пять лет выяснилось, что квартиру дать не могут, потому что их нет, и нужно встать на очередь. На очередь же ставят только людей с постоянной пропиской. Постоянную прописку сделать невозможно, потому что квартира служебная. Чтобы продолжать в ней жить, нужно работать сантехником.

Отчим Гены не возражал совмещать обязанности сантехника с работой, соответствующей его образованию и опыту, и чтобы не терять инженерный стаж совмещал с самого начала, но...

По совместительству он за копейки работал инженером-консультантом в какой-то строительной конторе в области. На аналогичную должность в Москве с временной пропиской не брали.

Его обязанности напоминали то, что сейчас называют работой на удалённом доступе. Ездил он в свою контору один-два раза в неделю, но работой был загружен сверх всякой меры.

В течение многих лет он работал круглыми сутками, спя урывками между выполнением плановых обязанностей сантехника, экстренными вызовами и инженерными расчётами, а потому ещё задолго до того, как начал пить, нередко выглядел как пьяный.

Мои родители получили квартиру в том доме за несколько месяцев до моего рождения. Познакомившись с отчимом Гены, мой отец взялся ему помочь, но тогда он ещё не имел особого веса, и всё, что ему удалось сделать, это поставить их на очередь на квартиру. Очередь же та продвигалась не вперёд, а назад, потому что то и дело вперёд них ставили тех, у кого прописка постоянная.

В общем, на втором десятке лет такой жизни без намёка на просвет отчим Гены выдохся. Окончательно он сломался, когда напортачил в расчётах, и по его вине на стройплощадке произошёл несчастный случай, в результате которого двое рабочих попали в больницу с тяжёлыми переломами.

- Стас, а Гена это всё знает?

- И да, и нет.

- Это как?

- Знает, потому что мой отец не раз рассказывал ему всё это в воспитательных целях. Правда, с другой подачей и другими акцентами. А не знает, потому что, сравнивая рассказы с действительностью, которую он на тот момент видел, относился он к ним точно так же как и к беседам о преимуществах социалистического образа жизни, которые мой отец любил вести с нами.

- Стас, можно очень личный вопрос?

- Конечно, можно.

- Мне Игорь Афанасьевич говорил, что твой отец застрелился. Почему?

- Самоубийство — это официальная версия, на которой настоял отец перед смертью. —

Стас тяжело вздохнул. — Я был в Тюмени. Мне позвонил друг отца и сообщил, что отец в тяжёлом состоянии. Звучание его голоса не оставляло сомнений, что тяжёлое состояние продлится недолго.

Естественно, мне было плевать, кто что как воспримет и как поймёт. Через ближайший проход я вышел прямо к отцу и оказался в больничной палате.

Вокруг суетились врачи. Судя по всему, отца только что привезли. В общем, всем было не до того, каким образом я сюда попал.

Отец повторял как в бреду: «Я покончил с собой».

Я растолкал всех и подошёл к нему. Отец был в сознании и узнал меня.

Он сказал: «Мне не поможешь. Я покончил с собой. Спаси мальчика. Я знаю, ты можешь. Я покончил с собой».

Затем он ещё несколько раз повторил «Я покончил с собой» и умер.

Его пытались вернуть к жизни, но безуспешно. Я знал, что это бесполезно. Если бы существовал малейший шанс сохранить отцу жизнь, я бы сам его вытащил обратно на Этот Свет. Но... Когда я его увидел, я так и не смог понять, какими фантастическими силами он умудрялся держаться за самый краешек этой жизни ради того, чтобы сказать мне то, что он сказал. Как только отец убедился, что я его понял, он вздохнул с облегчением и отпустил тот самый краешек этой жизни, за который умудрялся держаться вопреки всему.

Разумеется, в тот момент я не имел ни малейшего представления, о чём он говорит, но его последние слова намертво впечатались в моё сознание.

Когда попытки вернуть отца к жизни признали бесполезными и прекратили, ко мне подошёл врач. Ты его знаешь.

- Пётр Иванович, который наблюдал меня после переливания крови?

- Да.

- Стас, я тогда лежала на том самом месте, где умер твой отец?

- Как догадалась?

- Не знаю. Мне просто ни с того ни с сего пришло это в голову. Что было дальше?

- Дальше... Пётр Иванович спросил меня, кем я прихожусь его пациенту, которого он не смог спасти. Я ответил, что я — его сын. Пётр Иванович замялся в нерешительности. Я показал ему свой паспорт, дабы подтвердить свои слова.

Удостоверившись, что я тот, за кого себя выдаю, Пётр Иванович сказал, что, несмотря на настоятельные заверения моего отца, огнестрельное ранение, которое стало причиной его смерти, однозначно свидетельствует о том, что это не было попыткой самоубийства.

Я ответил ему, что на данный момент не знаю ничего о том, что случилось, и что значат предсмертные слова моего отца, но желание умирающего — это закон. Поэтому ему придётся составить заключение о смерти так, чтобы ни у кого не возникло сомнений в том, что это было самоубийство.

Пётр Иванович уставился на меня в недоумении и сказал: «Неужели Вы не понимаете, что Вашего отца застрелили? Неужели Вам не хочется выяснить, кто и почему это сделал? Неужели Вам не хочется правосудия и возмездия?».

Я ответил ему: «Я понимаю, что моего отца застрелили, и я обязательно выясню, кто и почему это сделал. Для этого мне не нужна ничья помощь. Я не знаю, что буду делать, когда всё выясню. Единственное, что я знаю — и Вы знаете это не хуже меня — отец более чем однозначно выразил своё желание, чтобы официальной версией его смерти было признано самоубийство. Как и Вы, я не знаю, почему он настаивал на этом, но раз уж настаивал, не сомневаюсь, что у него имелись на то причины».

Пётр Иванович задумался, а потом предложил: «Давайте сделаем так. Я немного потяну время с окончательным заключением о смерти. Не знаю, хватит ли Вам этого времени, чтобы выяснить всё, но... Короче, это — хоть что-то, чтобы немного оправиться от шока и подумать».

Я поблагодарил его и спросил, каким образом мой отец попал в больницу. Пётр Иванович ответил, что человек, который привёз его, вряд ли собирался покидать здание, пока не узнает что-либо конкретное о состоянии моего отца, а потому, скорее всего, сейчас находится в приёмном отделении. Я спустился туда.

Там сидел тот самый друг моего отца, который звонил мне. Разумеется, он был в шоке, увидев меня, и первым делом спросил, как я мог оказаться здесь столь быстро.

«Неважно», — ответил я ему, сообщил, что отец умер, повторил его предсмертные слова и спросил, что это может значить.

Его реакция не оставляла сомнений, что он великолепно осведомлён о том, что произошло, но добиться от него вразумительного ответа удалось с большим трудом.

В общем, дело было так:

Мой отец вместе со своими друзьями поехал отдыхать туда, где сейчас расположен пансионат «Лесной».

Я выкупил эту землю несколькими годами позже и построил его.

Тогда же, это были закрытые охотничьи угодья с небольшой базой отдыха, которая в советские времена функционировала в качестве места проведения активного досуга работников высших партийных структур.

В начале девяностых всё это находилось в некотором запустении, но по старой памяти мой отец и его друзья продолжали ездить туда на охоту.

В этот раз один из друзей отца взял с собой своего пятнадцатилетнего внука. Во время охоты тот испугался выстрела, резко повернулся, непроизвольно нажал курок, и попал в моего отца.

Выслушав объяснения, я потребовал отвезти меня к этому мальчику.

Друг отца побелел и завопил: «Стас, пойми, он — всего лишь ребёнок!».

Я повторил своё требование и добавил: «Мой отец перед смертью попросил спасти мальчика. Как Вы думаете, что я собираюсь делать?».

Его взгляд оставался перепуганным, но он сказал: «Поехали».

На базе отдыха в холле одного из охотничьих домиков двое из компании взяли на себя персонал и объясняли, что произошло, ничего не объясняя. Что-то, а это бывшие партийные работники умели делать безупречно, независимо от состояния, в котором находились.

Мы не стали там задерживаться и поднялись на второй этаж.

Все остальные собрались в одной из комнат. Мальчик бился в истерике, а они пытались напоить его валерьянкой.

Когда я зашёл, все, кроме него, застыли в ужасе. Дед мальчика закрыл его собой от меня.

Глядя ему в глаза, я сказал: «Мой отец скончался. Он покончил жизнь самоубийством. Перед смертью он попросил меня помочь Вашему внуку. Именно этим я и собираюсь заняться сейчас. А потому, пожалуйста, оставьте меня с ним наедине и ознакомьтесь с официальной версией того, что произошло, а затем изложите её персоналу».

Официальную версию мы сочинили пока ехали. Именно процесс её сочинения убедил друга моего отца, что я не собираюсь устраивать самосуд над ребёнком.

В общем, он помог мне выставить всех за дверь, потому что на мою вежливую просьбу никто никак не отреагировал.

Мальчик был в ужасном состоянии. Я долго возился с ним, пока он не заснул относительно спокойно. Ну а затем забота о нём растянулась на годы.

Именно ради него я несколько лет совмещал свою обычную деятельность с преподаванием в МГИМО. Он учился на одном курсе с Сашей. Правда, не на юридическом, а на экономическом.

Сейчас он работает то в одной, то в другой из высших структур власти. В данное время, если не ошибаюсь, в администрации президента.

По понятным причинам, мы не поддерживаем тесного дружеского общения, но периодически он обращается ко мне, если нужна материальная поддержка каких-нибудь проектов. Я тоже периодически обращаюсь к нему, если возникают вопросы, входящие в круг его возможностей.

Именно к нему я собираюсь обратиться сейчас, чтобы разыскать брата Оксаны. Естественно, сам он заниматься этим не будет, но без лишних вопросов поставит эту задачу в качестве первоочередной перед теми, кто способен её решить.

- Стас, а это не слишком, озадачивать работника администрации президента такими вопросами?

- Нет. Не слишком. — Стас улыбнулся. — Наши сугубо личные отношения позволяют мне озадачивать его любыми вопросами.

- Хотя да, — задумчиво согласилась Ира. — Он тебе многим...

- Ира, — перебил Стас, — он мне ничем не обязан. Тем, что я прикрыл его, не дал сойти с ума и поставил на ноги, он обязан моему отцу. Я это объяснил ему сразу же, как только он стал в состоянии что-то понимать.

Ира, честно, я не представляю себе, как бы отреагировал на ситуацию и что бы сделал, если бы не услышал от отца то, что он сказал перед смертью.

То, что ты знаешь о моих взаимоотношениях с отцом по рассказам, вряд ли создаёт у тебя верное впечатление о том, чем были эти взаимоотношения на самом деле.

Да, со времён моего раннего детства у нас с ним было много разногласий и много конфликтов, которые не иссякли, когда я стал взрослым. Однако чисто по-человечески я всегда знал, что при любом стечении обстоятельств отец сделает всё ради меня. Я старался не пользоваться этим, потому что, несмотря на разногласия и конфликты, всегда был готов на всё ради отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.